

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *THE NEW YORK TIMES*

WORLD OF WARCRAFT

ДЕНЬ ДРАКОНА

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

РИЧАРД А. КНААК

Легенды Blizzard

Ричард Кнаак

World of Warcraft. День Дракона

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Кнаак Р. А.

World of Warcraft. День Дракона / Р. А. Кнаак — «Издательство АСТ», 2001 — (Легенды Blizzard)

ISBN 978-5-17-108792-0

В туманные, смутные времена прошлого Азерот был населен множеством дивных созданий. Загадочные эльфы и храбрые, стойкие дворфы жили в относительном мире и согласии с племенами людей – до тех пор, пока нашествие демонического воинства, звавшегося Пылающим Легионом, не нарушило безмятежности Азерота, не сокрушило ее без остатка. Ныне орки, драконы, гоблины и тролли борются за господство над разрозненными, враждующими между собой королевствами, и все это – часть грандиозного, чудовищного замысла, призванного решить судьбу всего мира Warcraft. Ужасающие волнения среди величайших волшебников мира вынуждают бродячего мага Ронина отправиться в нелегкий, полный опасностей путь во владения орков, в самую глубь Каз Модана. Так Ронин и обнаруживает масштабный, чреватый серьезными последствиями заговор, превосходящий мрачностью все, что он только мог себе вообразить, – угрозу, которая побудит его заключить рискованный союз с древними созданиями воздуха и огня, чтобы Азерот увидел новый рассвет.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-108792-0

© Кнаак Р. А., 2001
© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Глава шестая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ричард Кнаак

World of Warcraft. День Дракона

MAINSTREAM

представляет книги по игровой вселенной **WORLD OF WARCRAFT**:

ОРИГИНАЛЬНЫЕ РОМАНЫ

Кристи Голден «Военные преступления»
Уильям Кинг «Иллидан»
Кристи Голден «Перед бурей»
Мэделин Ру «Восход теней»

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛИЗАЦИИ:

Кристи Голден «Варкрафт»
Кристофер Голден «Варкрафт: Дуротан»

СЕРИЯ «ЛЕГЕНДЫ BLIZZARD»:

Ричард А. Кнаак «День Дракона»
Кристи Голден «Повелитель кланов»
Джефф Грабб «Последний Страж»
Ричард А. Кнаак «Трилогия Войны Древних. Книга первая. Источник Вечности»
Ричард А. Кнаак «Трилогия Войны Древних. Книга вторая. Душа Демона»
Ричард А. Кнаак «Трилогия Войны Древних. Книга третья. Раскол»
Кристи Голден «Рождение Орды»
Аарон Розенберг «Темный прилив»
Аарон Розенберг, Кристи Голден «По ту сторону Темного портала»
Кристи Голден «Артас. Восхождение Короля-лича»
Ричард А. Кнаак «Ярость Бури»
Кристи Голден «Раскол. Прелюдия катаклизма»
Кристи Голден «Тралл. Сумерки Аспектов»
Ричард А. Кнаак «Волчье сердце»
Кристи Голден «Джайна Праудмур. Приливы войны»
Майкл О. Стэкпол «Вол'джин. Тени Орды»

ГРАФИЧЕСКИЕ РОМАНЫ:

Крис Метцен, Пол Корнелл «Варкрафт: Узы братства»
Людо Луллаби, Уолтер Симонсон «World of Warcraft. Книга 1»
Уолтер Симонсон, Джон Бьюран, Майкл Боуден «World of Warcraft. Книга 2»
Луиза Симонсон, Уолтер Симонсон, Майкл Боуден «World of Warcraft. Книга 3»

Майк Коста, Поп Ман, Уолтер Симонсон «World of Warcraft. Книга 4»

Микки Нельсон, Людо Луллаби, Тони Вашингтон «World of Warcraft. Испепелитель»

Микки Нельсон, Людо Луллаби, Тони Вашингтон «World of Warcraft. Проклятье Воргов»

Майк Коста, Ник Гудж «World of Warcraft. Темные всадники»

Дуг Вагнер, Джереми Раапак «World of Warcraft. Клятва на крови»

Антология «World of Warcraft. Истории»

МАНГА:

Ричард Кнаак, Трой Лютер и др. «Легенды. Том 1»

Ричард Кнаак, Дэн Джолли и др. «Легенды. Том 2»

Ричард Кнаак, Дэн Джолли и др. «Легенды. Том 3»

Ричард Кнаак, Дэн Джолли и др. «Легенды. Том 4»

Ричард Кнаак, Кристи Голден и др. «Легенды. Том 5»

Дэн Джолли, Росио Зуччи «World of Warcraft. Рыцарь смерти»

Пол Бенджамин, Росио Зуччи «World of Warcraft. Шаман»

Ричард А. Кнаак, Чжэ Хван Ким «Warcraft. Трилогия Солнечного Колодца. Охота на дракона»

Ричард А. Кнаак, Чжэ Хван Ким «Warcraft. Трилогия Солнечного Колодца. Тени во льдах»

Ричард А. Кнаак, Чжэ Хван Ким «Warcraft. Трилогия Солнечного Колодца. Земли призраков»

* * *

Richard A. Knaak

WORLD OF WARCRAFT: DAY OF THE DRAGON

© 2021 by Blizzard Entertainment, Inc.

Все права защищены.

Day of the Dragon, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах. Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

Глава первая

Война... Одно время некоторым из Кирин-Тора, конклава магов, правившего небольшим государством под названием Даларан, казалось, будто мир никогда не знал иной жизни, кроме нескончаемого кровопролития. Вначале, до заключения Лордеронского Альянса проблемой были тролли, а когда род людской, наконец-то, сумел совладать с этой гнусной напастью, из жуткой бреши в самой ткани мироздания на земли людей хлынула первая волна орочьих войск. Поначалу казалось, что этих жутких завоевателей не остановить никому, но мало-помалу чудовищная резня переросла в томительно затяжное, вялотекущее противостояние. Битвы выигрывались измором. Многие сотни гибли с обеих сторон, и все – словно бы напрасно. Так год шел за годом, а Кирин-Тор не видел этой войне конца.

Но вот, наконец-то, положение изменилось. Потеснив Орду, Альянс с течением времени сумел и разгромить врага наголову. Даже великий орочий вождь, легендарный Оргрим Молот Рока, оказался не в силах остановить наступающих, и в итоге капитулировал. Уцелевших завоевателей, за исключением парочки кланов, отколовшихся от остальных, согнали в особые поселения, под надежную охрану военных отрядов, возглавляемых лично членами ордена Рыцарей Серебряной Длани. Впервые за многие-многие годы долговечный мир начал выглядеть чем-то вполне достижимым, а не пустопорожной мечтой.

И все же... и все же управлявший Кирин-Тором совет не покидала тревога. Оттого-то высшие из высших и собрались в Воздушной Палате, называемой так потому, что выглядела она, будто зал без стен – одно только непрестанно меняющееся облик небо, клубящиеся облака, да быстрое, точно здесь ускоряло свой бег само время, коловращение света и тьмы за спинами мастеров волшебства. Твердым и неизблемым казался лишь серый каменный пол, украшенный ромбовидным символом единства четырех стихий.

Неизблемыми здесь не выглядели даже сами волшебники. Облаченные в темные плащи, скрывавшие не только фигуру, но и лицо, и словно бы рябившие в воздухе в такт, в унисон движению неба, они так же могли показаться со стороны не более чем иллюзией. Это были мужчины и женщины, но разглядеть, кто есть кто, представлялось возможным лишь когда кто-либо говорил: в такие минуты лицо оратора становилось отчасти, без особых подробностей, но все-таки различимым.

На этом собрании присутствовали шестеро – шестеро старейших, хоть и не обязательно самых талантливых. В предводители Кирин-Тора избирались обладатели ряда достоинств, и магия являлась лишь одним из них.

– В Каз Модане творится что-то неладное, – громогласно объявил первый, на миг явив взорам лицо, обрамленное бородой. Сквозь его тело неспешно струились, плыли мириады созвездий. – Невдалеке от пещер, либо в самих пещерах, занятых кланом Драконьей Пасты.

– Поведай лучше о чем-нибудь, нам еще неизвестном, – проскрежетала вторая, вероятно, женщина преклонных лет, однако по-прежнему сильная волей. Сквозь ткань ее клобука на мгновение блеснула луна. – Все знают: после того, как воины Молота Рока сложили оружие, а вождь их бесследно исчез, тамошние орки остались одними из немногих упорствующих.

Словами ее первый маг явно был не на шутку обижен, однако, храня спокойствие, отвечал:

– Что ж, ладно! Возможно, другая новость заинтересует тебя куда больше. По-моему, Смерткрыл снова взялся за старое.

Вот это привело в изумление всех магов до единого, не исключая и женщины преклонных лет. Ночь разом сменилась днем, однако никто из волшебников, давно привыкших к причудам Воздушной Палаты, даже глазом по этому поводу не моргнул. За плечами третьего, явно не поверившего словам первого, потянулись вдаль перистые облака.

– Смертокрыл мертв! – возразил этот третий, единственный, кто отличался от прочих хоть какой-то склонностью к полноте. – Смертокрыл рухнул в море после того, как этот самый совет вместе с сильнейшими нашими магами нанес ему смертельный удар! Против такой силы не устоять ни одному дракону на свете, даже ему!

Некоторые согласно закивали, однако первый стоял на своем:

– Ну, а тело его куда подевалось? Смертокрыл – далеко не обычный дракон. Он представлял собою такую угрозу, в сравнении с коей Орда – детские шалости, еще до того, как гоблины укрепили его чешую пластинами адамантовой брони.

– Но чем ты можешь подтвердить, что он по-прежнему жив? – подала голос другая женщина, очевидно, пребывавшая в расцвете юности, не столь опытная, как прочие, однако достаточно могущественная, чтобы стать членом совета. – Чем?

– Хотя бы гибелью двоих красных драконов, двоих из потомства Алекстразы. Только их сородич, причем исполинских размеров, мог разорвать их на куски подобным образом.

– Но на свете есть и другие большие драконы!

Вокруг поднялась буря, засверкали молнии, однако потоки хлынувшего с неба ливня не коснулись ни членов совета, ни даже пола. В мгновение ока гроза миновала, над головами волшебников вновь ослепительно засияло солнце, но первый из Кирин-Тора не проявил к этому зрелищу ни малейшего интереса.

– Ты, очевидно, ни разу не видела Смертокрыла в деле, иначе подобного тебе и в голову бы не пришло.

– Может статься, ты прав, – вмешался в разговор пятый. Эльфийские черты его лица, мелькнув под опущенным капюшоном, исчезли из виду даже быстрее мимолетной грозы. – А если так, новость твоя, действительно, немаловажна. Однако сейчас нам вряд ли стоит уделять ей внимание. Если Смертокрыл жив и ополчился на род сильнейшей из своих соперников, нам это только на пользу. В конце концов, Алекстраза – по-прежнему пленница клана Драконьей Пасти, а ее отпрыски уже который год помогают этим оркам сеять на землях Альянса смерть и разорение. Неужто мы все так скоро забыли о трагической гибели Третьей кул-тирасской флотилии? Подозреваю, лорд-адмирал Дэлин Праудмур не забудет ее никогда. В конце концов, нападение этих исполинских алых чудовищ на Третью флотилию стоило ему жизни старшего сына, не говоря уж о командах шести огромных боевых кораблей. Если эта черная тварь действительно разорвала на куски двух красных драконов... да Праудмур его за такое только медалью пожалует!

С этим не стал спорить никто, даже первый из магов. Всесокрушающая атака драконов оставила от грозной Третьей флотилии лишь щепки да несколько обезображенных трупов среди волн. Однако лорд-адмирал Праудмур, нужно отдать ему должное, без колебаний распорядился построить новые боевые корабли взамен погибших и продолжил войну.

– Вдобавок, как я уже говорил, нам сейчас просто не до того. В сложившейся ситуации у нас хватает других, более неотложных дел.

– Ты, верно, об Альтеракском кризисе? – пророкотал бородатый маг. – Но отчего эта затяжная грызня Лордерона со Стромгардом должна волновать нас сильнее возможного возвращения Смертокрыла?

– Оттого, что теперь в их спор вмешался и Гилнеас, а вес в Альянсе он имеет немалый.

И вновь прочие маги слегка встрепенулись – даже безмолвный шестой, а маг, отличавшийся от остальных легкой склонностью к полноте, сделал шаг в сторону эльфа.

– Какой интерес Генну Седогриву связываться в свару двух других королевств из-за этого ничтожного клочка земли? Ведь Гилнеас находится на самом кончике южного полуострова, от Альтерака – дальше всех остальных!

– И ты еще спрашиваешь? Возможно, Седогрив и придерживал собственные войска, пока орки не подступили вплотную к его рубежам, но к главенству в Альянсе стремился с самого

начала. А Теренаса, короля Лордеронского, побуждал к действию только затем, чтобы ослабить военную мощь Лордерона, и вот результат. Теперь Теренас держится во главе Альянса благодаря разве что нашим стараниям да открытой поддержке адмирала Праудмура.

Соседствующие королевства, Альтерак и Штормград, не ладили между собой с первых же дней войны. Торас Троллебой поддержал Альянс всей военной мощью Штормграда. Для горного королевства, граничащего с Каз Моданом, это был самый разумный ход, да и в стойкости воинов Троллебоя не мог усомниться никто. Если бы не они, орки смяли бы большую часть войск Альянса еще в первые недели войны, что наверняка сулило Альянсу совсем иной, куда более скверный исход.

Альтерак же, напротив, что ни день, распинаясь о мужестве, о святости общего дела, бросать в бой собственные войска отнюдь не спешил. Подобно Гилнеасу, он ограничивался символической поддержкой, но если Генн Седогрив руководствовался амбициями да эгоизмом, то лорд Перенольд, по слухам, придерживал силы из трусости. Даже в Кирин-Торе с самого начала задались вопросом, не думает ли Перенольд как-либо поладить с Молотом Рока в случае, если Альянс, сокрушенный неумолимым натиском Орды, падет.

Что ж, эти опасения оказались не напрасными и даже сослужили впоследствии добрую службу. В самом деле, союзников Перенольд предал, но, к счастью, подлость его была пресечена на корню. Услышав о ней, Теренас живо ввел в соседнее королевство войска Лордерона и объявил в Альтераке военное положение. В те дни, во время войны, возражать против этого не считал уместным никто, а уж Штормград – особенно. Однако теперь, с наступлением мира, Торас Троллебой заявил, что за принесенные ради общего дела жертвы Штормград по всей справедливости должен получить всю восточную часть земель вероломного соседа.

Теренас видел судьбу Альтерака иной. Он все еще выбирал, раздумывал, не стоит ли присоединить Альтерак к собственному королевству, или лучше возвести на альтеракский трон нового самодержца... разумеется, во всем поддерживающего Лордерон. Однако Штормград в борьбе с врагом показал себя верным, непоколебимым союзником, а о взаимных симпатиях Тораса Троллебоя и Теренаса знал весь мир – это-то и делало их политические разногласия особо прискорбными.

Между тем, Гилнеас, всегда державшийся среди прочих западных государств особняком, подобными узами с кем-либо из конфликтующих сторон связан не был. И Кирин-Тор, и король Теренас прекрасно понимали, что Генн Седогрив решил вмешаться в дело не только ради укрепления собственного престижа, но, вероятно, ради исполнения давних грез об экспансии. Один из племянников лорда Перенольда после измены бежал в Гилнеас, и Седогрив, по слухам, прочил его в преемники дядюшке. База в Альтераке не только открыла бы Гилнеасу доступ к ресурсам, отсутствующим в южных землях, но и послужила бы прекрасным поводом отправить туда через Великое море свои военные корабли. Что, в свою очередь, вовлекло бы в уравнение и Кул-Тирас: владычество на море эта морская держава оберегала крайне ревниво.

– Да это же раскол Альянса на части, – весьма выразительно проворчала молодая волшебница.

– Ну, до подобных страстей дело еще не дошло, – заметил волшебник-эльф, – но в скором будущем дойти вполне может. Вот потому-то нам сейчас и не до драконов. Если Смертокрыл жив и решил возобновить мщение Алекстразе, я лично препятствовать ему даже не подумаю. Чем меньше в мире драконов, тем лучше. В конце концов, их времена миновали.

– Я слышал, – раздался в покоях новый голос, без каких-либо интонаций, неведомо даже, мужской или женский, – некогда эльфы с драконами были союзниками и даже добрыми друзьями.

Эльф повернулся к последнему из шести магов – худошавому, долговязому, с виду казавшемуся едва ли не призраком.

– Уверяю: все это сказки, не более. Якшаться со столь чудовищными тварями? Нет, до этого мы не унизимся никогда.

Солнце и облака уступили место луне и звездам, и шестой маг слегка поклонился, словно бы признавая за собою вину.

– По-видимому, те, кому я доверился, ввели меня в заблуждение. Прошу прощения.

– Ты прав, – пророкотал бородатый волшебник, обращаясь к пятому. – Все эти политические разногласия необходимо решить миром. Согласен: этим нужно заняться прежде всего. Но и происходящее в Каз Модане мы без внимания оставить не можем! Прав я насчет Смертокрыла, или же ошибаюсь, а пока каз-моданские орки держат королеву драконов в плену, покой страны под угрозой!

– Тогда нам нужно отправить туда наблюдателя, – вмешалась женщина преклонных лет. – Который будет присматривать за происходящим, а тревогу поднимет лишь в случае, если положение станет критическим.

– Да, но кого? Сейчас нам нужны все до единого!

– Один подходящий есть, – возразил шестой маг, плавно шагнув вперед. Лицо его оставалось в тени даже в то время, когда он раскрывал рот. – Вспомните о Ронине.

– О Ронине?! – взорвался бородатый маг. – О Ронине?! После того, последнего провала он даже одежду мага носить недостойн! От него бед куда больше, чем пользы!

– Да, ненадежен он, ненадежен, – согласилась женщина преклонных лет.

– Бродяга, – буркнул маг с легкой склонностью к полноте.

– Сомнителен.

– Преступник!

Подождав, пока все остальные не выскажутся, шестой неторопливо кивнул.

– И единственный умелый волшебник, без которого мы обойдемся в сложившемся положении. Кроме того, его задача – всего лишь разведка. К любому потенциальному кризису он даже близко не подойдет. В обязанности ему будет вменено наблюдать обстановку и докладывать обо всем нам, не более.

Возражений не последовало.

– Уверен, – добавил темный маг, – урок пошел ему впрок.

– Будем надеяться, – проворчала старшая из женщин. – Возможно, с последней задачей он справился, но это стоило жизни большинству его спутников!

– На сей раз пойдет он один, не считая проводника, что доведет его до границы подвластных Альянсу земель. В Каз Модан он шагу не ступит. Зрительный шар позволит ему наблюдать издали.

– С виду – проще простого, – согласилась младшая из дам. – Даже для Ронина.

Эльф резко, отрывисто кивнул.

– Тогда давайте на том и порешим, и оставим, наконец, эту тему. Возможно, если нам повезет, Смертокрыл проглотит Ронина, подавится им и сдохнет, и мы сможем со спокойной душой забыть об обоих навеки. Ну, а сейчас, – добавил он, оглядев остальных, – я вынужден настаивать, чтоб мы, наконец, сосредоточились на вмешательстве в Альтеракский вопрос Гилнеаса. Как мы с вами можем разрядить обстановку?

Так, опустив голову, сосредоточенно смежив веки, он ждал уже третий час. Покои освещал лишь неярко свет, струившийся словно бы отовсюду разом, да и глядеть вокруг было особенно не на что. Сбоку стояло кресло, которым он так и не воспользовался, а позади, на стене из толстого камня, висел гобелен с затейливой вышивкой – золотым всепонимающим оком на фиолетовом фоне. Под оком устремлялись вниз, к земле, острия трех кинжалов, также вышитых золотой нитью. Во время войны знамя и символы Даларана гордо реяли среди прочих знамен Альянса, пусть даже не всякий член Кирин-Тора исполнял свой долг с полной отдачей.

– Ронин, – прозвучал словно бы отовсюду и ниоткуда голос, лишенный каких-либо интонаций.

Под густой огненно-рыжей челкой блеснули яркие, изумительно зеленые глаза, устремленные в темноту. Некогда один из соучеников-подмастерьев сломал Ронину нос, а он, при всем своем мастерстве, так и не озаботился его выправить, однако на вид Ронин был вполне симпатичен: крепкий, волевой подбородок, угловатые, резкие черты лица... Постоянно приподнятая бровь придавала ему саркастический, насмешливый вид, не раз навлекавший на Ронина гнев наставников – тем более, что манеры его выражению лица вполне соответствовали.

Высокого роста, стройный, в элегантных полумночно-синих одеждах, он выглядел весьма впечатляюще даже в глазах прочих волшебников. Однако бунтарского духа в нем вовсе не чувствовалось, пусть даже последнее его задание стоило жизни пятерым добрым людям. Выпрямившись, расправив плечи, он ждал, вглядываясь во мрак: откуда заговорит с ним окликнувшийся?

– Ты вызвал меня, и я ждал, – не без толики нетерпения в голосе прошептал рыжеволосый чародей.

– Тут уж я ничего поделать не мог. Самому пришлось дожидаться, пока этот вопрос не поднимет кто-то другой, – ответил, выступив из темноты, высокий волшебник, укрытый плащом с капюшоном – тот самый, шестой член высшего совета Кирин-Тора. – Вот и дождался.

Тут в глазах Ронина впервые блеснуло некоторое оживление.

– И что же с моим наказанием? Испытательному сроку конец?

– Да. Ты удостоен возвращения в наши ряды... при условии, что согласишься немедленно взять на себя некое важное дело.

В голосе молодого мага явственно зазвучала горечь.

– Они до сих пор настолько верят в меня? После гибели тех, остальных?

– Кроме тебя, им поручить это некому.

– Вот это куда больше похоже на правду. Следовало бы самому догадаться...

– Возьми.

Окутанный тенью маг протянул Ронину тонкую, затянутую в перчатку руку ладонью кверху. Внезапно на ладони его появились два блестящих предмета – крохотный шар из изумруда и золотой перстень, украшенный единственным черным камнем.

Ронин в той же манере протянул вперед руку... и оба предмета повисли в воздухе над его ладонью. Подхватив их, он внимательно осмотрел оба.

– Зрительный шар узнаю, а вот это, второе... Чувствую: вещь силы немалой, но, кажется, не агрессивного свойства.

– Ты весьма смышлен, Ронин, потому-то я и решил тебя поддержать. Назначение шара тебе известно, а перстень послужит защитой. Ты отправляешься туда, где еще существуют орочи чернокнижники. Этот перстень поможет уберечься от их охранных ухищрений... правда, и нам, как ни жаль, наблюдение за тобой затруднит.

– Значит, я пойду туда сам по себе, – протянул Ронин, саркастически улыбнувшись своему покровителю. – Ну что ж, хотя бы еще кого-нибудь погубить шансов меньше!

– Кстати о спутниках. По крайней мере, до порта пойдешь не один. К тебе приставят проводника из эльфийских следопытов.

Ронин согласно кивнул, хотя сопровождающие, а особенно – из следопытов, ему явно не требовались: с эльфами он всю жизнь ладил из рук вон плохо.

– Ты так и не сказал, в чем состоит задача.

Окутанный тенью маг подался назад и словно бы опустил в огромное кресло, невидимое взору младшего из чародеев. Сложив «домиком» затянутые в перчатки руки, он замолчал и задумался.

– От снисхождения к тебе, Ронин, они далеки, – наконец сказал он. – Кое-кто из совета даже подумывал навечно изгнать тебя из наших рядов. Возвращение нужно заслужить, а для этого задание необходимо исполнить буква в букву.

– Послушать тебя – это отнюдь не легко.

– Речь идет о драконах... и еще кое о чем. На их взгляд, такое дело под силу только волшебнику твоих *способностей*.

– О драконах...

При первом же упоминании о крылатых исполинах брови Ронина сами собой поднялись кверху, а голос, несмотря на всю его склонность к самонадеянности, прозвучал неуверенно, точно во времена ученичества.

Драконы... одно упоминание о них внушало большинству молодых магов благоговейный ужас.

– Да, Ронин, о драконах, – подтвердил его покровитель, слегка подавшись вперед. – И твердо запомни вот что: кроме совета и тебя самого об этом задании не должна знать ни одна живая душа. Даже твой проводник из следопытов. Даже капитан корабля Альянса, что высадит тебя на берег Каз Модана. Обмолвившись хотя бы словом о возлагаемых на тебя надеждах, ты можешь поставить все наши планы под угрозу срыва.

– Да, но суть-то в чем?

Зеленые глаза Ронина сверкнули огнем. Похоже, дело ему предстоит невероятно опасное, но и награда вполне очевидна. Возвращение в ряды магов и несомненное изменение репутации в лучшую сторону... а между тем ничто не возвышало волшебника в Кирин-Торе быстрее, чем репутация, хотя ни один из совета старейших никогда не признал бы сего грубого факта вслух.

– Тебе предстоит отправиться в Каз Модан, – не без колебаний ответил его собеседник, – а там немедленно принять необходимые меры к вызволению из орочьего плена королевы драконов, *Алекстразы...*

Глава вторая

Больше всего на свете Вериса не любила ждать. Другие народы обычно считают, будто терпением эльфы превосходят даже горные ледники, но молодые, вроде нее, всего год, как закончившей ученичество у следопытов, в этом смысле ничуть не отличались от людей. И вот теперь она уже третий день дожидалась волшебника, которого ей предстояло проводить к одному из восточных портов на побережье Великого моря. Волшебников она обычно уважала – насколько любой эльф может уважать человека, – но этот не внушал ничего, кроме раздражения. Вериса всей душой рвалась к сестрам и братьям, стремясь помочь им в охоте на орков, еще не сложивших оружия, помочь выследить их, кровожадных зверей, всех до единого, и отправить на встречу с давно заслуженной смертью... однако первым ее серьезным заданием оказалась роль няньки при каком-то дряхлом, скорбном умом и явно забывчивом старике-маге, а этого новоиспеченная следопытка вовсе не ожидала.

– Еще час, – пробормотала Вериса себе под нос. – Жду еще час и уйду.

Но тут ее стройная, каурой масти эльфийская кобылка негромко, едва различимо фыркнула. Многие поколения скрещивания произвели на свет лошадей, намного превосходящих обычных сородичей во всем – по крайней мере, народ Верисы в этом нимало не сомневался. Хозяйку кобыла понимала без слов, и то, что со стороны могло показаться всего лишь обычным лошадиным вздохом, заставило Верису немедля вскочить на ноги и вскинуть лук с длинной стрелой, наложенной на тетиву.

Однако окрестные заросли сохраняли полный покой. Ничто вокруг не сулило опасности. Нападение орков или троллей здесь, в глубине территории Лордеронского Альянса? Нет, это вряд ли! Бросив взгляд в сторону небольшой таверны, места назначенной встречи, Вериса увидела только мальчишку-конюха, несущего к стойлам сено, однако лук опускать не спешила. Нечасто ее кобыла подавала голос, если вокруг безопасно. Может, бандиты?

С этими мыслями следопытка, не спеша, повернулась кругом. Растрепанные ветром пряди длинных, серебристо-белых волос упали на глаза, однако это ничуть не мешало ее острому зору. Миндалевидные, цвета чистейшей небесной лазури, глаза Верисы примечали любое, самое незначительное движение среди листвы, а длинные остроконечные уши, торчащие из-под густых волос, слышали даже шорох крыльев бабочки, опустившейся на цветок невдалеке...

Вот только что же могло встревожить кобылу, Вериса понять никак не могла.

Быть может, неведомый враг, испугавшись ее, предпочел улизнуть? Подобно всем эльфам, выглядела Вериса весьма впечатляюще, и сама это сознавала. Выше многих людей, в кожаных сапогах по колено, в штанах и блузе цвета лесной листвы, в дорожном плаще цвета коры дуба... Руки ее защищали перчатки длиной почти до локтя, ничуть однако не мешавшие стрелять из лука либо пускать в ход висевший у пояса меч. Стройное тело и округлую грудь ее защищала прочная, надетая поверх блузы, кираса, безупречно подогнанная по фигуре. В таверне один из местных совершил ошибку, восхитившись ее девичьей красотой, не обратив никакого внимания на красоту воинскую... Что ж, он был под хмельком – иначе, вполне вероятно, воздержался бы от неучтивых предположений, и потому отделался всего-навсего парой сломанных пальцев.

Кобыла фыркнула вновь. Смерив ее раздраженным взглядом, Вериса раскрыла рот, дабы высказать лошади все, что о ней думает, но...

– Полагаю, ты и есть Вериса Ветрокрылая, – внезапно раздался негромкий, но на удивление звучный, приятный голос сзади, со «слепой» стороны.

Прежде, чем незнакомец успел сказать еще хоть слово, Вериса направила острие стрелы прямо ему в горло. Спусти она тетиву – стрела пробила бы шею новоприбывшего насквозь, навывлет.

Но, как ни странно, это смертоносное обстоятельство не произвело на него ни малейшего впечатления. Смерив его взглядом – что, надо признать, оказалось не столь уж неприятной задачей, эльфийка сообразила: незванный гость может оказаться только тем самым волшебником, которого она здесь и ждет. Теперь-то ей стали понятны и странное поведение кобылы, и собственная неспособность заметить его появление вовремя.

– Ты – Ронин? – спросила, наконец, эльфийка.

– А что? Не оправдал ожиданий? – с легкой, едва уловимой насмешкой откликнулся он. Опустив лук, Вериса слегка расслабилась.

– Мне, человек, было сказано «волшебник», а более – ничего.

– И мне было сказано «эльфийская следопытка», а более – ничего. Стало быть, в этом смысле мы с тобою на равных.

С этими словами он взглянул на Верису так, что она едва снова не вскинула лук.

– Не совсем. Я жду здесь третий день! Три драгоценных дня потеряны даром!

– С этим я ничего поделать не мог. Был занят необходимыми приготовлениями.

На этом волшебник умолк, и Вериса махнула на все это рукой. Подобно большинству людей, этот, очевидно, не заботился ни о ком, кроме себя самого, а раз так, ее счастье, что дольше ждать не пришлось. Одно удивительно: как Альянсу удалось одержать верх над Ордой, когда в его рядах столько подобных этому Ронину?

– Ну что ж, если хочешь добраться до Каз Модана, лучше всего отправиться в путь немедля, – сказала эльфийка, бросив взгляд ему за спину. – Где твой конь?

В ответ она едва ли не ожидала услышать, что коня у Ронина нет, а сюда он добрался исключительно благодаря небывалому могуществу... но в таком случае ему бы и проводник до порта не потребовался. Волшебник, несомненно, был наделен множеством впечатляющих возможностей, но и силе его волшебства имелись пределы. Вдобавок, небольшое известное Верисе о его задании наводило на определенные подозрения: похоже, ему придется пустить в дело все, чем он располагает, только чтобы остаться в живых. С чужаками земли Каз Модана обходились неласково. По слухам, орочьи шатры там были украшены черепами множества храбрых воинов, а в небесах постоянно несли караул драконы. Пожалуй, сама Вериса не пошла бы в такие края без армии за спиной: конечно, она – не трусиха, но и не полная дура.

– Привязан у поилки возле таверны, миледи. Пусть вволю напьется: сегодня мы уже проделали немалый путь.

Этот титул в устах волшебника мог бы показаться Верисе лестным, если б не легкий оттенок сарказма в его голосе. Кое-как смирив раздражение, она повернулась к своей кобыле, убрала лук со стрелой и принялась готовить лошадь к походу.

– Моему коню не помешало бы отдохнуть еще малость, – напомнил волшебник, – да и мне – тоже.

– Ничего, спать в седле ты вскоре привыкнешь... а аллюр я для начала задам такой, чтобы твой конь сумел восстановить силы. Слишком уж мы долго медлили. Немногие, знаешь ли, из кораблей – пусть даже кул-тирасских – с радостью отправятся в Каз Модан только затем, чтоб доставить туда разведчика из волшебников. Если ты в скором времени не доберешься до порта, капитаны вполне могут рассудить, что им хватает других дел, куда более важных и куда менее самоубийственных.

К немалому ее облегчению, спорить Ронин не стал – просто нахмурился, развернулся и двинулся назад, к таверне. Провожая волшебника взглядом, Вериса всем сердцем надеялась, что соблазн выпустить ему кишки прежде, чем им придет время расстаться, окажется не слишком велик.

Станным, однако ж, казалось Верисе его задание... Да, населенный драконами и их хозяевами-орками, Каз Модан являл собой нешуточную угрозу, но ведь у Альянса имелось немало других, лучше обученных разведчиков и в его границах, и неподалеку. Следовало полагать, дело Ронину предстояло не слишком серьезное, иначе Кирин-Тор ни за что бы не рискнул отправлять туда этого самонадеянного наглеца. А впрочем, хорошо ли они обдумали положение, выбирая именно его? Не могло же среди них не оказаться кого-либо более умелого – и, кстати, надежного? В этом маге с первого взгляда чувствовалась непредсказуемость нрава, которая вполне может привести к катастрофе.

Хотя... к чему сомнения? Кирин-Тор решение принял, и командование Альянса явно с ним согласилось, иначе Верису не послали бы его провожать. Уж лучше выкинуть эти заботы из головы. Все, что от нее требуется – доставить подопечного к кораблю, а после Вериса сможет отправиться своей дорогой. А что там сделает или не сделает Ронин после их расставания – да какая ей, в конце концов, разница?

В пути они провели четыре дня, ни разу не столкнувшись с опасностью страшнее нескольких назойливых насекомых. В иных обстоятельствах путешествие могло бы показаться просто-таки идиллией... вот только за все эти дни Ронин и его провожатая обменялись разве что парой слов. Правда, волшебник о том вовсе не сожалел: все помыслы Ронина были сосредоточены на опасном задании, ждавшем его впереди. Как только корабль Альянса высадит его на берег Каз Модана, он останется сам по себе, один в землях, не только кишаших орками, но и патрулируемых с воздуха их пленниками-драконами. Нет, трусом Ронин вовсе не был, однако пыток и медленной, мучительной смерти себе отнюдь не желал. На всякий случай благодетель из Совета Шести снабдил его последними сведениями о передвижениях сил клана Драконьей Пасти. Да, Драконья Пасть наверняка держит ухо остро – особенно если черный исполнн Смертокрыл, как сообщили Ронину, действительно жив...

Но, сколь бы опасным ни казалось порученное магу задание, назад Ронин поворачивать не собирался. Ему дали возможность не только оправдаться, но и подняться повыше в иерархии Кирин-Тора. За это он на всю жизнь останется благодарен покровителю, которого знал только по имени – Крас. Впрочем, имя наверняка было вымышленным, что среди членов Совета Шести – дело вполне обычное. Правителей Даларана выбирали втайне от всех, о возвышении их знали только другие советники, тогда как даже возлюбленные о нем и не подозревали. К примеру, голос благодетеля Ронина мог оказаться совсем не похожим на настоящий... а пол – отнюдь не мужским.

Опознать некоторых членов внутреннего круга было вполне возможно, но Крас оставался загадкой даже для своего прозорливого протеже. Впрочем, если уж начистоту, с некоторых пор истинное лицо Краса заботило Ронина лишь в самую последнюю очередь – главное, с его помощью юный волшебник мог добиться желаемого.

Однако все его желания останутся несбыточной мечтой, если он не доберется до корабля.

– Далеко еще до Хасика? – спросил Ронин, подавшись вперед в седле.

– Еще, по меньшей мере, три дня пути, – не оборачиваясь, вкрадчиво ответила Вериса. – Но не волнуйся: таким аллюром в порт мы прибудем вовремя.

Ронин вновь выпрямился. Вот и вся их беседа – всего лишь вторая за сегодняшний день... Пожалуй, хуже путешествия в компании эльфа оказалось бы только общество одного из угрюмых, замкнутых Рыцарей Серебряной Длани. Невзирая на неизменную учтивость, паладины, как правило, отнюдь не скрывали, что магию полагают неизбежным злом, без коего они в другое время вполне бы обошлись. Последний рыцарь, с которым Ронину довелось повстречаться, недвусмысленно дал понять, что свято верит, будто после смерти душа мага навек отправится в ту самую темную бездну, где томятся мифические демоны древних времен. Насколько чиста душа Ронина в иных отношениях – это-де дело десятое.

Предвечернее солнце опустилось чуть ниже верхушек деревьев, на озаренную ярким светом траву впереди легли длинные черные тени. Границу лесов Ронин надеялся миновать до наступления темноты, но нет, засветло явно не успеть. Не в первый уж раз принялся он листать в памяти карты, пытаясь не только определиться с текущим местоположением, но и убедиться в правоте спутницы насчет оставшейся части пути к кораблю. Опоздание на встречу с Верисой было неизбежным следствием стараний разыскать необходимые припасы и компоненты. Теперь Ронину оставалось только надеяться, что задержка не поставила под угрозу выполнение поручения.

Освободить королеву драконов...

Для некоторых – задача непосильная, невыполнимая, для большинства же – верная смерть. Что ж, браться за подобные задания Ронину доводилось и во время войны. Ясное дело: освободив королеву драконов, он, по меньшей мере, лишит оставшихся орков самого грозного их оружия... вот только обстоятельства достичь столь монументальной победы не позволят ни за что.

Ронин понимал: большинство членов совета надеется на его поражение. Избавившись от него, они надеются стереть черное пятно с истории ордена. Поручение их – штука обоюдоострая: если он преуспеет, они придут в восторг, но если оплошает – только вздохнут с облегчением.

Однако Красу Ронин вполне мог доверять. Могущественный волшебник первым пришел к нему с вопросом, уверен ли его юный протеже в своей способности совершить невозможное. Ведь если Алекстраза не обретет свободу, Каз Модан навеки останется в руках клана Драконьей Пасти, и пока тамошние орки находятся в союзе с Ордой, будет воодушевлять, тянуть к себе обитателей охраняемых людьми поселений. Между тем, сейчас возобновление войны не нужно никому. Сейчас Альянсу и собственным внутренним распрям довольно.

Тут размышления Ронина прервал недолгий раскат грома, но, подняв взгляд, он обнаружил в небе лишь парочку облаков – белых, пушистых, как вата. Нахмурившись, огненно-рыжий чародей бросил взгляд в сторону эльфийки, намереваясь спросить, слышала ли гром и она.

Второй, еще более грозный раскат заставил все его тело до последнего мускула напрячься.

И в этот миг Вериса прыгнула напрямик на него: невероятно, но следопытке удалось, извернувшись в седле, оттолкнуться и броситься в его сторону.

Землю накрыла огромная тень.

Врезавшись в мага всей тяжестью тела, закованного в броню, эльфийка выбила Ронина из седла.

Все вокруг содрогнулось от оглушительного рева, над землей пронесся вихрь сродни торнадо. Чувствительно ударившись оземь, волшебник услышал сквозь внезапную острую боль резкий, пронзительный визг своего жеребца, но в следующий же миг визг, захлебнувшись, стих.

– Лежать! – рявкнула Вериса, перекрикивая рев и свист воздуха. – Лежать!

Однако Ронин поспешил извернуться так, чтобы увидеть небо, но вместо него взору мага предстало inferнальное зрелище.

Небеса над головой заслонила собою дракон цвета буйного пламени, сжимавший в передних лапах все, что осталось от его лошади и дорого обошедшихся, тщательно собранных в дорогу припасов. Целиком проглотив останки мертвого животного, алый исполин устремил взгляд на крохотные, жалкие фигурки внизу.

Между тем зловещего вида клыкастое зеленокожее существо с боевым топором в руках, сидевшее на плечах зверя, выкрикнуло приказ на некоем лающем, резко звучащем языке, и указало прямо на Ронина.

Разинув пасть и выпустив когти, дракон стремительно понесся к магу.

– Благодарю ваше величество за уделенное мне время, – исполненным силы и понимания голосом заговорил рослый черноволосый аристократ. – Возможно, нам еще удастся справиться с этим кризисом, и ваши благие дела не пропадут даром.

– Что ж, лорд Престор, если так, – отозвался его собеседник, бородатый, значительно старше говорившего, облаченный в величественную, белую с золотом королевскую мантию, мужчина, – и Лордерон и Альянс будут вам весьма благодарны. Только ваши труды и вселяют надежду на то, что Гилнеас со Штормградом еще способны внимать голосу разума.

Сам – человек, сложением вовсе не хрупкий, рядом с рослым, широкоплечим собеседником, Теренас чувствовал себя слегка подавленным.

Молодой человек улыбнулся, являя взору безупречные зубы. Сумев отыскать особу вида более царственного, чем лорд Престор, Теренас был бы весьма удивлен. Короткие, тщательно уложенные волосы цвета воронова крыла, дочиста выбритое лицо, ястребиные черты коего вселяли трепет в сердца многих придворных дам, живость ума, манера держаться, намного превосходящая изысканностью манеры любого из принцев Альянса – неудивительно, что человек этот сумел покорить всех заинтересованных в альтеракском вопросе, включая даже Генна Седогрива. По словам не устававших дивиться всему этому дипломатов Теренаса, гилнеасский правитель, не в силах устоять перед обаянием Престора, пусть изредка, но от души улыбался!

Одним словом, для юного аристократа, о коем еще пять лет назад никто слыхом не слышал, репутацию гость короля составил себе – просто на удивление. Родом он был из самого высокогорного, самого отдаленного уголка Лордерона, однако мог претендовать и на родство с королевской династией Альтерака. Крохотное имение Престора уничтожил во время войны один из драконов, так что в столицу он пришел пешком, без единого лакея, который помог бы ему одеваться. Столь отчаянное положение вкупе с успехами, достигнутыми по прибытии ко двору, были достойны книги волшебных сказок. И, что еще более важно, его советы не раз выручали короля в трудные времена, включая те мрачные дни, когда поседевшему монарху пришлось вести споры насчет дальнейшей судьбы лорда Перенольда. Сказать откровенно, решающим фактором в этой истории стал именно Престор. Именно он придал Теренасу мужества, вдохновил его захватить Альтерак, а после установить там военное положение. Необходимость противодействия вероломному Перенольду Штормград и прочие королевства вполне понимали, но к удержанию его владений Лордероном по завершении войны отнеслись безо всякого одобрения. И вот теперь, наконец-то, Престор оказался тем самым человеком, которому по силам все всем объяснить и убедить союзников согласиться с любым окончательным решением!

В недавнее время эти обстоятельства побудили стареющего прославленного монарха задуматься над возможным выходом, который наверняка ошеломит даже его весьма проницательного собеседника. Передавать Альтерак ставленнику Гилнеаса, племяннику Перенольда, Теренас не собирался. Идею раздела означенного королевства меж Лордероном и Штормградом он тоже разумной не полагал: такое непременно прогневает не только Гилнеас, но даже Кул-Тирас. О полной аннексии Альтерака также не могло быть и речи.

Но что, если передать королевство в надежные руки человека, внушающего всем восхищение, и, вдобавок, явного поборника мира и единства? И, кстати заметить, весьма способного (если король Теренас хоть что-либо в этом смыслит) к управлению государством, а кроме того – несомненно, верного друга и союзника Лордерона на веки вечные...

– Нет, в самом деле, Престор!

Потянувшись кверху, король хлопнул куда более рослого собеседника по плечу. Росту в Престоре насчитывалось почти семь футов, причем был он, хоть и строен, но вовсе не худо-

сочен. И синий с черным мундир сидел на нем просто великолепно – герой войны, с какой стороны ни взгляни!

– В самом деле, тебе очень даже есть, чем гордиться... и награду ты заслужил немалую! Поверь, твою роль во всей этой истории я забуду нескоро!

Престор откровенно засиял, по всей вероятности, полагая, что наградой ему послужит восстановление крохотных владений, и Теренас решил до поры не лишать мальчугана сей скромной мечты: то-то забавную он состроит мину, когда король Лордеронский предложит ему стать новым владыкой Альтерака! Не каждый же день человеку доводится вдруг стать королем... если, конечно, он – не наследный принц.

Почетный гость Теренаса отсалютовал королю, с изысканной грацией поклонился и покинул покои монарха. После его ухода старый правитель, сдвинув брови, задумался о том, что шелковые портьеры, золотые канделябры и даже мраморный пол безукоризненной белизны в отсутствие юного аристократа не делают комнат светлее. Воистину, среди множества ненавистных придворных, стаями слетавшихся во дворец, лорд Престор выделялся – ярче некуда. Вот человек, на которого всякий безбоязненно может положиться, человек, достойный всяческого доверия и уважения. Ах, если бы родной сын Теренаса был больше похож на Престора...

Король почесал в бороде. Да, кандидат превосходный. Уж этот-то вернет стране былую честь и в то же время восстановит согласие среди государств Альянса. Новая, свежая кровь!

В продолжение этих мыслей Теренас вспомнил о дочери, Калии. Еще дитя, но вскоре, несомненно, превратится в красавицу. Быть может, однажды, если дела пойдут, как подобает, они с Престором смогут укрепить дружбу и союз династическим браком?

Да, Теренас сейчас же отправится к советникам и изложит им свое монаршее мнение. В этом вопросе – он был уверен – с ним согласятся все. С кем-либо, питающим неприязнь к юному аристократу, Теренас еще не встречался.

Престор, король Альтерацкий. Только представить себе, какое будет лицо у друга, когда тот узнает, какая его ожидает награда...

– Вижу на губах твоих тень улыбки – кто же, осмелюсь спросить, встретил ужасную, кровавую, неприглядную смерть, о ядоноснейший?

– Избавь меня от своего острословия, Крилл, – откликнулся лорд Престор, закрывая за собою огромную железную дверь.

Наверху, в старом шале, отведенном ему гостеприимным хозяином, королем Теренасом, несли караул отобранные лично Престором слуги, дабы в дом не явился непрощенный гость. Их господину предстояло немало дел, и, хотя никто из слуг знать не знал, что происходит внизу, в подземельях, каждому дали понять: нарушение покоя лорда Престора будет стоить им жизни.

Впрочем, чьего-либо вторжения Престор не ожидал и был уверен, что эти лакеи скорее умрут, чем ослушаются приказа. Наложённые на них чары – разновидность заклятья, благодаря коему король и весь его двор прониклись таким восхищением к хваткому беженцу – места для задних мыслей не оставляли, а эффективность сих чар Престор оттачивал многие годы.

– Покорнейше прошу простить меня, о князь лицемерия! – проскрежетало низкорослое, жилистое создание, стоявшее перед ним.

В голосе коротышки явственно чувствовалось нечто проказливое, безумное, нечеловеческое – что вовсе не удивительно, так как собеседником Престора был гоблин.

Макушка гоблина едва доставала до пряжки пояса молодого аристократа, отчего некоторые могли бы счесть его, худощавого, зеленокожего, противником слабым, не из серьезных. Однако его обнаженные в бесшабашной улыбке клыки были длинны и исключительно остры, едва ли не раздвоенный язык – кроваво-ал, а в узеньких желтых глазках без видимых зрачков поблескивали искорки веселья – веселья того самого сорта, что порождают забавы вроде отры-

вания крылышек мухам или же рук подопытным. Голову гоблина, от затылка до низкого лба, украшала жесткая, тускло-коричневая, буйным гребнем торчавшая кверху шерсть.

– Однако причины для праздника у нас имеются.

Некогда здесь, в подвале, хранились съестные припасы. В те дни прохлады земли сообщала вину во множестве бочек как раз ту самую, требуемую температуру. Ныне, однако же, благодаря кое-каким техническим ухищрениям Крилла, просторное подземелье казалось жерлом бушующего вулкана.

Потому-то лорд Престор и чувствовал себя здесь, как дома.

– Для праздника, о владыка лукавства? – захихикал Крилл.

Хихикал Крилл часто – особенно в предвкушении какой-нибудь грязной работы. Двумя основными страстями изумрудно-зеленого гоблина были эксперименты и членовредительство, а посему он при любой возможности старался совместить первое со вторым. Вся дальняя половина подвала была занята верстаками, флягами, порошками, странными механизмами и собранной Криллом коллекцией разнообразной жути.

– Да, Крилл, для праздника, – подтвердил Престор, не сводя с гоблина угольно-черных глаз. Под его всепроницающим взглядом Крилл разом прекратил улыбаться и оставил насмешливый тон. – Тебе ведь хотелось бы в нем поучаствовать, не так ли?

– Да... господин.

Облаченный в мундир юный аристократ, не спеша, набрал полную грудь жаркого, сперттого воздуха, и на угловатом лице его отразилось явное облегчение.

– А-ах-х-х, как же мне этого не хватало...

Но в следующий же миг его черты обрели прежнюю жесткость.

– Однако я должен подождать. Действуй лишь по необходимости, а, Крилл?

– Как скажешь, господин.

На губах Престора вновь заиграла улыбка – улыбка весьма и весьма зловещего свойства.

– Представь: перед тобой, вполне вероятно, стоит новый король Альтерацкий.

Узкоплечий, но мускулистый, гоблин склонился едва ли не к самому полу.

– Слава его царственному величеству, королю См...

Внезапный лязг заставил обоих бросить взгляд вправо. Из-за стальной решетки, ведущей в старый вентиляционный ход, появился гоблин поменьше. Ловко выбравшись из отворившегося проема, новоприбывший поспешил к Криллу. Под пристальным взглядом Престора веселая, дружелюбная улыбка, озарявшая его уродливую физиономию, разом угасла.

Подбежав к Криллу, второй гоблин что-то шепнул в его огромное остроконечное ухо. Крилл, зашипев, небрежным взмахом руки велел малышу убираться, и новоприбывший снова исчез в вентиляции, за открытой решеткой.

– Что там еще?

Голос юного аристократа звучал ровно и безмятежно, однако тон ясно давал понять: с ответом гоблину лучше не мешкать.

– А-а-а! О милосердный, – заговорил Крилл, снова расплывшись в бесшабашной улыбке, – похоже, сегодня удача на твоей стороне! Подумай: уж не побиться ли тебе с кем-нибудь об заклад? Ведь звезды, определенно, благоприятствуют...

– *Что там еще?*

– Кто-то... кто-то задумал освободить Алекстразу.

Воззрившись на гоблина, Престор умолк и молчал так долго, что Крилл съежился и втянул голову в плечи. Да, тут-то его гоблинской жизни наверняка и конец... а жаль. Сколько еще хотелось устроить экспериментов, сколько опробовать бомб и прочих взрывных устройств...

И в этот миг черный великан перед ним разразился хохотом – хохотом звучным, мрачным, не слишком естественным.

– Великолепно, – кое-как сумел выдавить лорд Престор меж двумя приступами смеха.

С этим он протянул вперед руки, словно бы вознамерившись изловить самый воздух. Казалось, пальцы его невероятно длинны и едва ли не увенчаны острыми когтями.

– Просто великолепно!

Он хохотал и хохотал, и гоблин Крилл мало-помалу успокоился, расправил плечи, едва заметно покачал головой, дивясь странному зрелищу.

– И это *меня* зовут спятившим, – проворчал он себе под нос.

Глава третья

Казалось, огонь охватил весь мир.

Выругавшись, Вериса вместе с волшебником откатилась в сторону и едва увернулась от струи пламени, внезапно выпущенного алым исполином, несущимся вниз. Не задержись Ронин с отправкой в путь, подобного ни за что не случилось бы! К этому времени они уже добрались бы до Хасика, где Вериса рассталась бы с ним навсегда. А вот теперь оба, вполне вероятно, вот-вот расстанутся с жизнью...

Да, Верисе было известно, что каз-моданские орки до сих пор время от времени посылают драконов сеять с небес ужас в пределах мирных (во всех остальных отношениях) землях врагов, но отчего же наткнуться на одного из них не посчастливилось именно ей со спутником? Ведь в эти дни драконов стало намного меньше, а земли Лордерона необъятны!

С этими мыслями она бросила взгляд на Ронина, поспешившего углубиться в заросли. Ну, разумеется! Все это как-то связано с тем, что ее спутник – волшебник. Остротой чувств драконы превосходят даже эльфов, и кое-кто утверждает, будто они – в определенных пределах – способны чуют магию. Правда ли это, нет ли, а виноват в столь катастрофическом повороте событий он, волшебник. Орк со своим драконом явился сюда не просто так, а именно по его душу.

Очевидно, Ронину пришли в голову те же самые мысли, так как он со всех ног поспешил в противоположную от Верисы сторону и живо скрылся из виду в лесной чаще. Следопытка насмешливо фыркнула. Волшебники никогда негодились для боя в первых рядах. Конечно, атаковать противника издали или со спины – дело нехитрое, но, встретившись с врагом лицом к лицу, они...

Ну да, конечно, его-то дракон и искал!

Крутой вираж – и дракон устремился за скрывшимся в зарослях человеком, а смерти чародею Вериса отнюдь не желала, что бы о нем про себя, лично, ни думала. Однако, оглядевшись вокруг, среброволосая эльфийка так и не сумела понять, каким образом могла бы ему помочь. Ее кобыла пропала вместе с конем Ронина, а с нею канул в драконью пасть и любимый Верисин лук. Теперь при ней оставался лишь меч – против такого разбушевавшегося титана оружие непригодное. Вериса еще раз огляделась вокруг в поисках чего-либо полезного, но ничего подходящего не нашла.

Что ж, выбора не оставалось. Следопытка, Вериса чувствовала себя обязанной спасти от гибели даже этого чародея – и неважно, какой ценой. Между тем, возможный способ спасения его жизни ей пришел в голову только один. Ладно. Делать нечего...

– Я здесь! – завопила эльфийка, выпрыгнув из укрытия и замахав руками над головой. – Эй, ты, отродье ящерицы! Я здесь!

Однако дракон ее вовсе не слышал: все его – теперь Верисе, наконец-то, удалось опознать в нем самца – внимание было приковано к горящему лесу внизу. Где-то там, в этом пекле, боролся за жизнь Ронин, а дракон изо всех сил старался прикончить его наверняка.

Выругавшись, эльфийская воительница еще раз огляделась и отыскала увесистый камень. Человеку затея Верисы показалась бы практически невыполнимой, но для нее еще оставалась в пределах возможного. Главное, чтобы рука оказалась такой же верной, как пару недолгих лет назад.

Замахнувшись как следует, Вериса метнула камень прямо в голову алого исполина.

Расчет ее был точен, однако дракон внезапно вильнул в сторону, и Верисе на миг показалось, что камень пролетит мимо цели. Но нет, пусть в голову ее снаряд и не попал, но отскочил от кончика ближнего к следопытке перепончатого крыла. Конечно, ранить огромного зверя

Вериса даже не надеялась: камень против драконьей чешуи – это же просто смешно. Рассчитывала она всего-навсего привлечь внимание чудовища к себе.

И привлекла.

Необъятная голова немедля повернулась в ее сторону. Раздраженный помехой, дракон возмущенно взревел, и сидящий на нем орк что-то неразборчиво ему прокричал.

Заслонивший полнеба крылатый силуэт резко лег набок, сворачивая к Верисе. Да, отвлечь врага от злополучного мага ей вполне удалось.

«А дальше что?» – мысленно упрекнула следопытка саму себя.

Развернувшись, эльфийка со всех ног помчалась прочь, хотя заранее знала: опередить чудовищного преследователя у нее нет ни единого шанса.

Дракон снова обдал местность струей огня. Верхушки деревьев над головой разом вспыхнули, горящие сучья, рухнувшие на землю впереди, преградили Верисе выбранный путь. Пришлось следопытке, не мешкая, свернуть влево, нырнуть в заросли, еще не охваченные огнем.

«Еще немного, и ты умрешь, – сообщила Вериса самой себе. – И все – из-за какого-то никчемного мага!»

Оглушительный, рвущий барабанные перепонки рев заставил Верису оглянуться. Красный дракон настигал ее и уже тянул вниз одну из когтистых лап, дабы схватить бегущую следопытку. Верисе тут же представилось, как эта лапа вот-вот раздавит ее, переломав все кости, или, что еще хуже, отправит в ужасную клыкастую пасть, а там уж дракон разжует ее либо проглотит целиком.

Однако, едва смерть оказалась от нее в считанных дюймах, дракон внезапно отдернул лапу, принялся корчиться на лету, скребя когтями собственное же брюхо, бока, спину – все, до чего мог дотянуться, пустив в ход все четыре конечности. Казалось, исполинскую тварь вдруг одолела невероятной силы чесотка. Напрасно орк-всадник старался обуздать зверя: теперь дракон повиновался ему не более, чем одной из тех блох, что словно бы причиняли ему столько мук.

Вериса замерла на месте, не в силах отвести от дракона глаз. Такого зрелища ей в жизни видеть не доводилось! Дракон судорожно дергался, корчился в воздухе, пытаясь облегчить зуд, и метания его раз от раза становились все лихорадочнее. Погонщик-орк едва держался в седле. «Что же, – невольно подумалось эльфийке, – могло причинить чудовищу такие...»

Ответ сорвался с губ в виде негромкого шепота:

– Ронин?

И в тот же миг, как будто Вериса, произнеся имя мага, призвала его к себе, словно дух, Ронин остановился прямо перед ней. Рыжие волосы чародея были порядком растрепаны, темное одеяние превратилось в измазанные грязью лохмотья, однако пережитые злоключения его, похоже, ничуть не напугали.

– По-моему, нам лучше уходить подобру-поздорову, пока еще можно, а, эльф?

Повторного предложения Верисе вовсе не требовалось. На этот раз первым пошел Ронин. При помощи некоей магии, неких волшебных хитростей, он повел обоих сквозь пылающий лес, и даже Вериса, обученная следопытка, не сумела бы справиться с этой задачей лучше. Ронин вел ее тропами, которых эльфийка даже не замечала, пока те не оказывались у нее под ногами.

Все это время дракон носился над лесом, терзая когтями собственную шкуру. В очередной раз взглянув вверх, Вериса отметила, что он ухитрился до крови разодрать бок. Ну да, драконьи когти – одна из немногих вещей на свете, способная справиться с броней драконьей чешуи... От орка на его спине и следа не осталось: должно быть, в какой-то момент клыкастый воин не смог удержаться и рухнул вниз, о чем Вериса ничуть не сожалела.

– Что ты проделал с драконом? – едва переводя дух, прохрипела она.

Сосредоточившийся на поисках границы пожара, Ронин даже не оглянулся.

– Нечто, сработавшее вовсе не так, как было задумано! Ограничиться одним только сильным зудом я в виду не имел!

Очевидно, злился он на себя самого вполне искренне, но следопытка – в кои-то веки! – прониклась к нему невольным уважением. Что ни говори, а маг обратил верную гибель в возможное спасение... если, конечно, им удастся выбраться из огня.

Дракон позади громогласно ревел, вне себя от ярости на весь белый свет.

– А долго оно будет действовать?

Тут Ронин, наконец, замедлил шаг, развернулся к ней, и то, что Вериса увидела в его взгляде, встревожило ее до глубины души.

– Нет. Далеко уйти не успеем.

Оба удвоили скорость. В какую сторону ни сверни, повсюду их окружал огонь, однако вскоре им наконец-то удалось достичь границы пожара и вырваться из пламени туда, где в атаку на них устремились только клубы убийственно едкого дыма. Кашляя, спотыкаясь на каждом шагу, оба двинулись дальше, искать тропку, ведущую навстречу ветру: ветер поможет, оттеснит дым и огонь назад.

И тут оба вздрогнули от нового рева, исполненного не страданий, но лишь ярости и жажды мщения. Обернувшись назад, волшебник со следопыткой взглянули на алую громадину, парящую над лесом невдалеке.

– Чары развеялись, – без всякой на то необходимости сообщил Ронин.

В самом деле, чары мага развеялись, и Вериса сразу же поняла: дракон точно знает, кто виноват в его злоключениях. Взмахнув огромными перепончатыми крыльями, зверь устремился напрямик к ним – с явным намерением поквитаться за все.

– А еще одного заклинания на такой случай у тебя нет? – крикнула Вериса на бегу.

– Может, и есть! Но здесь я бы к нему прибегать не стал! Может и нас заодно прикончить!

Как будто у дракона в планах значилось что-то другое... Оставалось только надеяться, что Ронин найдет способ выпустить на волю смертоносные чары прежде, чем оба они угодят в брюхо чудовища.

– До Ха... До Хасика еще далеко? – спросил волшебник, едва переводя дух.

– Дальше некуда.

– А еще поселения между нами и Хасиком есть?

Вериса задумалась. Одно такое местечко на ум ей пришло, вот только ни названия его, ни назначения припомнить не удавалось. Вспомнилось только, что до него отсюда около дня пути.

– Есть кое-что, но...

Драконий рев снова заставил обоих вздрогнуть. Над головами мелькнула тень.

– Если у тебя вправду имеется заклинание, которое может помочь, по-моему, дальше тянуть с ним не стоит.

Вериса вновь пожалела о пропавшем луке. Будь оружие при ней, эльфийка попробовала бы бить по глазам хоть с какой-то надеждой на успех: возможно, внезапная слепота и боль обратили бы чудовище в бегство.

Вдруг Ронин остановился, развернулся лицом к смертельной угрозе, с неожиданной для волшебника силой стиснул в ладонях плечи едва не столкнувшейся с ним Верисы и отодвинул эльфийку в сторону. Глаза его буквально засветились, замерцали огнем. Следопытка слышала, что такое порой случается с очень сильными магами, но воочию ничего подобного прежде не видела.

– Молись, чтобы нас самих не накрыло, – проворчал Ронин.

С этими словами он протянул руки вперед и вверх, развернув навстречу красному дракону ладони, и что-то забормотал. Язык этот Верисе был незнаком, но звучал так, что спина сверху донизу покрылась мурашками.

Ронин свел руки вместе, снова заговорил, и...

Из-за облаков показались еще три крылатых силуэта.

Вериса ахнула. Рослый волшебник умолк, прерывая заклятье. Казалось, он готов был проклясть небеса, но тут эльфийка поняла, что за создания кружат над головой их ужасающего врага.

Грифоны! Мускулистые львиные тела, орлиные головы, могучие крылья... и всадники в седлах.

Увидев их, Вериса вцепилась в плечо Ронина.

– Остановись! Не делай ничего!

Маг полоснул ее полным раздражения взглядом, однако согласно кивнул, и оба вновь обратили лица к врагу. Дракон заслонял собою полнеба.

Молниеносная атака грифонов застала крылатого исполина врасплох. Теперь Вериса смогла узнать и их седоков, хотя никакой надобности в том не имелось. Верхом на диких грифонах летали лишь дикие дворфы с далекого Заоблачного пика, из полной опасностей высокогорной страны, что лежит за эльфийскими землями, за Кель’Таласом... и только эти умелые воины на могучих крылатых зверях могли устоять против дракона в воздушном бою.

Намного уступавшие алому гиганту в величине, грифоны брали свое за счет огромных бритвенно-острых когтей, способных разорвать драконью чешую, и клювов, глубоко впивавшихся в укрытую ею плоть. Вдобавок, и по небу они летали быстрее, проворнее, закладывая столь крутые, резкие виражи, что ни один дракон не мог за ними угнаться.

Сами дворфы тоже не просто правили крылатыми скакунами. Несколько выше, стройнее своих «земных» сородичей, горные дворфы ничуть не уступали им в силе мускулов. Излюбленным их оружием для патрулирования небес были легендарные буремолоты, однако эта троица предпочла вооружиться огромными двулезвийными боевыми топорами на длинных рукоятках, коими воины-дворфы орудовали с отменной легкостью. Выкованные из металла сродни алманту, их лезвия разрубали даже защищенные чешуей черепа алых чудовищ. Согласно слухам, одним-единственным метким ударом подобного топора великий наездник на грифонах по имени Курдран поверг наземь дракона куда больше этого.

Крылатые звери заплясали в воздухе вокруг врага, вынуждая его то и дело оглядываться по сторонам, чтоб видеть, кто из противников опаснее прочих. Конечно, орки выучились остерегаться грифонов с первых дней войны, однако оставшееся без седока чудовище несколько растерялось, не понимая, как быть. Немедля воспользовавшись сим обстоятельством, дворфы принялись наскакивать на врага и в следующий же миг отступать, разъяря дракона сильнее и сильнее. Длинные бороды и косы горных дворфов реяли на ветру, воины с гор буквально смеялись в лицо грозному противнику, и их громогласный хохот окончательно вывел дракона из себя. Алый исполин без всякого смысла замахал когтистыми лапами, сопровождая сии бесплодные атаки струями пламени, бьющими во все стороны.

– Они совершенно сбили его с толку, – заметила Вериса, весьма впечатленная тактикой дворфов. – Понимают, что он еще молод и нравом горяч, и злость не позволит ему биться с умом!

– И это значит, нам самое время уходить, – откликнулся Ронин.

– Но им может понадобиться наша помощь!

– У меня задание, – зловеще напомнил маг. – А они и без нас превосходно справляются.

Действительно, дворфы на грифонах очевидно одерживали верх, хотя до решающего удара дело еще не дошло. Все трое кружили, кружили вокруг красного дракона, и вскоре у того, похоже, совсем помутилось в голове. Как ни старался он сосредоточиться на одном из врагов, кто-либо из остальных немедленно отвлекал его на себя. Только раз струя пламени едва не зацепила одного из крылатых противников.

Внезапно один из дворфов начал покачивать в воздухе массивным боевым топором. Острое лезвие засверкало в лучах предвечернего солнца. Грифон его еще раз обогнул дракона по кругу, а затем, оказавшись невдалеке от чешуйчатого затылка, стрелой бросился вниз.

Мощные когти впились в драконий загривок, распарывая чешую. Едва дракон успел почувствовать, осознать боль, дворф вскинул над головой тяжелый топор и с маху обрушил оружие вниз.

Топор глубоко вонзился в затылок дракона. Не настолько глубоко, чтоб бой на том и закончился, однако вполне достаточно, чтобы дракон испустил душераздирающий визг и невольно развернулся. Крыло его задело не ожидавших этого дворфа с грифоном, отчего оба беспорядочно закувыркались в воздухе. К счастью, всадник сумел удержаться в седле, но топор, выскользнувший из его пальцев, канул в лесную чащу.

Вериса невольно рванулась к оружию, но Ронин, подняв руку, преградил ей путь.

– Я же сказал: нам нужно уходить!

С этим эльфийка была не согласна, но еще раз бросила взгляд в сторону бьющихся и поняла: следопыту тут делать нечего. Раненый дракон набирал высоту, а всадники на грифонах устремились следом. Допустим, отыщет она топор, а дальше? Разве что махать им над головой безо всякого толку...

– Ладно, – наконец проворчала она.

Вновь положившись на память Верисы, оба поспешили прочь с поля боя, в сторону места назначения. Вскоре дракон и грифоны, оставшиеся позади, превратились в крохотные темные пятнышки на фоне неба – отчасти потому, что ход битвы увлек сражавшихся в противоположную сторону.

– Любопытно, – едва уловимо прошептал волшебник.

– Что именно?

Ронин изумленно приподнял брови.

– Так, значит, эти уши – не просто для красоты?

Оскорбительная острота возмутила Верису до глубины души, хотя доводилось ей слышать комментарии и похуже. Завидуя естественному превосходству эльфийской расы, люди и дворфы нередко выбирали длинные, заостренные к кончикам уши эльфов мишенью для шуток. Бывало, ее уши сравнивали с ушами осла, или свиньи, и даже, что самое худшее, с ушами *гоблина*. Нет, оружия из-за таких замечаний Вериса не обнажала, однако чаще всего заставляла шутников весьма и весьма пожалеть о собственном остроумии.

Изумрудные глаза мага прищурились.

– Прости: тебя обидело это замечание. Я не хотел тебя оскорбить.

В достоверности сего заявления Вериса весьма сомневалась, но понимала: неуклюжие извинения придется принять.

– Что же ты находишь столь любопытным? – снова спросила она, смирив злость.

– Этот дракон появился как нельзя более вовремя.

– Если ты так считаешь, мог бы заодно спросить, откуда взялись грифоны. В конце концов, это они отогнали дракона от нас.

Ронин задумчиво покачал головой.

– Кто-то его заметил и доложил о вторжении. А всадники просто исполнили свой долг. Нет, я понимаю: клан Драконьей Пасти наверняка в отчаянии, наверняка старается поднять на бой и другие мятежные кланы, и тех, что живут в охраняемых поселениях, но таким образом к цели они не приблизятся ни на шаг.

– Как знать, что оркам взбредет в голову? Все очевидно: налет – случайность. Это вовсе не первая подобная атака на земли Альянса, человек.

– Верно, не первая, но вот интересно...

Тут Ронин оборвал фразу на полуслове: внезапно оба заметили в зарослях леса движение... движение со всех сторон.

Следопытка с привычной легкостью выхватила из ножен меч. Остановившийся рядом Ронин сунул руки в глубокие складки одеяния волшебника – несомненно, готовясь пустить в

ход заклинание. Увидев это, Вериса не проронила ни слова, однако невольно задалась вопросом: много ли от него проку в ближнем бою? Уж лучше бы отошел назад, оставив первых из атакующих ей...

Но было поздно. Из зарослей разом выехали, окружив их со всех сторон, шестеро внушительных всадников. Серебро их лат ярко сверкало даже в тускнеющем свете склонившегося к закату солнца. Один немедля нацелил копьё в грудь эльфийки, а на Ронина направили копьё сразу двое: первое острие коснулось его груди, второе же – спины меж лопаток.

Лица тех, кто взял путников в плен, скрывались под забралами шлемов с львиными головами вместо плюмажей. Следопытка, Вериса представить себе не могла, как им в подобной броне удастся хотя бы двигаться, а уж тем более – воевать, но в седлах эти шестеро держались так, словно вовсе ничем не обременены. Огромных, серой масти боевых коней, также закованных в латы, лишняя тяжесть тоже, казалось, ничуть не обременяла.

Знамени новоприбывшие при себе не имели. Объединяло их меж собой только изображение стилизованной длани, поднятой к небесам, выбитое на кирасах. Пожалуй, одного этого Верисе было довольно, чтобы понять, кто перед ней, но успокаиваться она не спешила. Помнится, в прошлую встречу подобные им люди носили другую броню и шлемы, увенчанные рогами, а щиты и кирасы их украшал буквенный символ Лордерона...

И тут из лесу не спеша выехал седьмой всадник – в более традиционной, той самой, знакомой Верисе броне. Темный, лишенный забрала, шлем его не скрывал волевого, морщинистого, обрамленного аккуратно остриженной седой бородой, исполненного необычайной (по человеческим, разумеется, меркам) мудрости лица. Символы Лордерона и собственного рыцарского ордена украшали не только щит его и кирасу, но даже шлем. Концы пояса, на коем висел огромный остроконечный боевой молот, любимое оружие ему подобных, скрепляла серебряная пряжка в форме головы льва.

– Эльфийка, – пробормотал паладин, очевидно, главный среди прочих, окинув взглядом Верису. – Что ж, сильной руке мы рады.

Затем он смерил пристальным взглядом Ронина и, наконец, не скрывая брезгливости, заметил:

– *И проклятая душа.* Держи руки на виду, не то соблазн отсечь их окажется слишком велик.

В то время как Ронин явно сдерживал ярость, Вериса обнаружила, что колеблется меж облегчением и неуверенностью. Их взяли в плен лордеронские паладины – пресловутые Рыцари Серебряной Длани...

Встретились они в обители теней, в краях, доступных немногим даже из их же сородичей. То было место, где снова и снова возникали, разыгрывались сцены из прошлого, где в дымке истории разума появлялись и исчезали темные, смутные образы. Какая часть этих мест существует в действительности, какая же – только в их мыслях, не знали даже они, двое, назначившие здесь встречу. Знали одно: подслушать их в этих местах не сможет никто.

По всей вероятности.

Стройные, рослые, оба прятали лица под клобуками. В одном можно было узнать волшебника, известного Ронину под именем Крас, другой же, если не брать в расчет зеленоватого отлива его серых одежд, не отличался от Краса ни в одной мелочи, словно брат-близнец. Вторым его отличием от верховного советника Кирина-Тора стала явная принадлежность к мужскому полу, обнаружившаяся, едва он заговорил.

– Не понимаю, отчего я вообще согласился прийти, – сказал он Красу.

– Оттого, что был должен. Оттого, что так нужно.

Его собеседник громко, досадливо зашипел.

– Верно, верно, но вот я здесь, и теперь могу уйти, как только того пожелаю.

Крас поднял вверх изящную, обтянутую перчаткой ладонь.

– Прежде хотя бы выслушай.

– Чего ради? Чтобы ты снова смог повторить все то же, что повторял уже много раз?

– Чтобы мои слова наконец-то, в кои-то веки, были действительно приняты во внимание!

Внезапная ярость Краса удивила обоих. Его собеседник покачал головой.

– Ты слишком долго прожил среди них. Твоя защита – и личная, и магическая – начинает давать слабину. Пора бы тебе, подобно нам... бросить это безнадежное дело.

Тут в голосе Краса, зазвучавшем так глубоко, с такой силой, какой и не снилось ни одному из прочих членов верховного совета Кирин-Тора, впервые прорезался некий намек на пол.

– Я не считаю его безнадежным. И не могу отступить, пока она остается в неволе.

– Что она значит для тебя, Кориалстраз, вполне понятно. Но что она значит для нас... это всего лишь память о временах безвозвратно ушедших.

– Если эти времена в прошлом, отчего вы по-прежнему стоите на страже? – безмятежно парировал Крас, вновь взяв себя в руки.

– Оттого, что хотим провести последние годы в покое и мире...

– Тем больше причин помочь мне.

И вновь тот, другой, досадливо зашипел.

– Кориалстраз, неужто ты никогда не смиришься с неизбежным? План твой нас вовсе не удивляет – ведь мы же знаем тебя от и до! И марионетка, отправленная тобою на безнадежное дело, для нас не секрет. Или, по-твоему, он вправду сумеет выполнить поручение?

Крас ненадолго задумался.

– Задатки у него имеются, – отвечал он, – однако он – еще не все, чем я располагаю. Нет, по-моему, он не справится, но я надеюсь, его самопожертвование в итоге поможет мне победить... а если ко мне присоединитесь и вы, победа станет еще более вероятной.

– Выходит, я оказался прав, – с безмерным разочарованием вздохнул собеседник Краса. – Та же риторика, те же самые просьбы... Я пришел сюда только в память о некогда прочном союзе меж нашими лагерями, но теперь вижу: утруждаться не стоило и ради этого. За тобой нет ни поддержки, ни настоящих сил. Теперь ты один, сам по себе, вынужден прятаться в сумерках, в подобных, – тут говорящий широким жестом указал на окружавший обоих туман, – местах, никому не являя своего истинного естества.

В голосе Краса вновь зазвучала упругая сталь.

– Я делаю, что должен... а что, скажи, делаешь сейчас ты? Ради какой цели ты, старый мой друг, существуешь?

Вопрос угодил не в бровь, а в глаз. Собеседник Краса вздрогнул, резко развернулся и двинулся было в туман, однако, сделав лишь пару шагов, остановился и оглянулся на мага.

– Желаю тебе в этом деле удачи, Кориалстраз, – устало, смиренно проговорил он. – Искренне, от всего сердца. Я... мы просто не верим в возможность возврата к прошлому. Те времена миновали, а с ними отжили свое и мы.

– Выходит, ты свой выбор сделал.

С этим оба едва не расстались, но вдруг Крас снова окликнул собеседника:

– Постой! Об одном попрошу, прежде чем ты вернешься к своим.

– О чем же?

Силуэт мага словно бы потемнел, из уст его вырвалось шипение.

– Именем этим меня больше не называй. Никогда. Не нужно произносить его вслух. Даже здесь.

– Но ведь здесь никому не...

– *Даже здесь.*

Некая новая нотка в голосе Краса заставила его собеседника кивнуть, после чего он поспешил удалиться – сделал шаг и исчез без следа.

Долго волшебник, не сводя глаз с того места, где он стоял, раздумывал над состоявшимся разговором. Если бы только они вняли голосу разума! Вместе – надежда есть. Порознь же они ни на что не способны... а врагу это на руку.

– *Глупцы*, – негромко пробормотал Крас. – *Какая же безграничная глупость...*

Глава четвертая

Паладины препроводили их в ту самую крепость, в то самое безымянное поселение, о котором и говорила Вериса. На Ронина оно не произвело ни малейшего впечатления. Высокая каменная стена, а за нею – предельно практичные, ничем не украшенные постройки, где в относительной скромности проживали святые рыцари, их оруженосцы, да горстка простолюдинов. Повсюду вокруг реяли знамена рыцарского братства бок о бок с флагами Лордеронского Альянса, коему Рыцари Серебряной Длани хранили верность непоколебимо. Если б не горожане, Ронин счел бы поселение чисто военным: всеми делами в нем явно заправлял святой орден.

С эльфийкой паладины держались исключительно любезно, а кое-кто из рыцарей помоложе, стоило Верисе заговорить с ними, даже тщился проявить обаяние, однако с волшебником все они разговаривали не более необходимого – даже вопрос, далеко ли отсюда до Хасика, оставили без ответа. Так ничего маг и не выяснил бы, не спроси ради него о том же Вериса... Разумеется, несмотря на первые впечатления, пленным никто из них не считался, хотя Ронин, определенно, чувствовал себя среди паладинов изгоем. Минимальную вежливость в его отношении проявляли лишь потому, что того требовала данная королю Теренасу клятва, а в остальном сторонились волшебника, точно парии.

– Мы видели и дракона, и грифонов, – прогремел их командир, некто Дункан Сентур. – Долг и честь требовали, чтоб мы немедленно отправились посмотреть, чем способны помочь.

«То обстоятельство, что бой шел исключительно в воздухе и, таким образом, вне пределов их досягаемости, очевидно, нимало не охладило их праведного рвения, начисто затмившего собой здравый смысл», – с сухой иронией подумал Ронин. Впрочем, эльфийка в этом отношении от них мало отличалась...

Как ни странно, лишившись надобности иметь дело с Верисой самому, волшебник почувствовал нечто вроде укола ревности. «В конце концов, ее назначили мне в проводники, и ей надлежит хранить верность долгу до прибытия в Хасик».

К несчастью, насчет Хасика у Дункана Сентура имелись собственные соображения. Стоило им спешиться, плечистый командир паладинов, подавая эльфийке руку, сказал:

– Разумеется, не проводить вас до порта самым коротким и безопасным путем с нашей стороны будет небрежением. Знаю, миледи, это поручили вам, но, очевидно, высшая сила почла за лучшее привести вас обоих к нам. Дорогу до Хасика мы знаем прекрасно, и поэтому завтра утром небольшой отряд, возглавляемый мною лично, отведет вас туда.

Похоже, следопытке предложение пришлось по душе, однако Ронина оно нимало не вдохновило. В крепости все до единого смотрели на него так, будто он превратился в гоблина или орка. Досыта натерпевшись пренебрежительного отношения от коллег-чародеев, терпеть нечто подобное еще и от паладинов Ронин не желал.

– С вашей стороны все это весьма любезно, – вмешался он в разговор, – однако Вериса – следопыт опытный, и до Хасика мы доберемся в срок своими силами.

Сентур сморщил нос, будто почуяв нечто зловонное.

– Позвольте, я провожу вас в ваши комнаты лично, – с вымученной улыбкой сказал глава паладинов эльфийке и оглянулся на одного из подчиненных. – А ты, Мерик, волшебнику место найди.

– Сюда, – буркнул пышноусый, плечистый, огромного роста молодой рыцарь.

Казалось, он был готов схватить Ронина за руку и поволочь за собой, пусть даже дело бы и кончилось переломом. Конечно, Ронин мог бы продемонстрировать ему всю неразумность подобной попытки, но, ради собственного поручения и мира между различными составляющими Альянса, попросту быстро зашагал вперед, следом за провожатым, и всю дорогу не обмолвился с ним ни словечком.

Маг ожидал, что его отведут в самый сырой и грязный закуток, где со спокойным сердцем оставят располагаться на ночлег, но вместо этого обнаружил перед собою комнату ничуть не более аскетическую, чем те, что служили приютом самим суровым воителям. Сухо, чисто, глухие каменные стены со всех сторон, дощатая дверь... определенно, видывал он места и похуже. Все убранство комнаты состояло из узкой, опрятно застеленной деревянной кровати и крохотного стола, а освещала комнату лишь изрядно закопченная масляная лампа: ни единого оконца в стенах не имелось. «Не потребовать ли комнаты с окном?» – подумалось Ронину, однако он тут же заподозрил, что ничем подобным рыцари, скорее всего, не располагают. Кроме того, так оно даже лучше: меньше любопытных глаз поблизости.

– Ладно, сойдет, – наконец проговорил он.

Однако молодой воин, проводивший чародея сюда, уже вышел из комнаты и затворил за собою дверь. Волшебник невольно задумался, припоминая, была ли снаружи задвижка или еще какой-нибудь вариант запора... но нет, так далеко паладины наверняка не зайдут. Может, Ронин для них и «проклятая душа», но все же один из союзников!

Подумав, как неуютно паладинам от сего обстоятельства, волшебник чуточку развеселился: рыцарей Серебряной Длани он всегда полагал скопищем ханжей и лицемеров.

Невольные хозяева не докучали Ронину до самого ужина. За стол его усадили вдали от Верисы, похоже, сделавшейся предметом особого внимания командира, хотелось ей того или нет. Волшебнику за время всей трапезы никто, кроме эльфийки, не сказал более пары слов, и по ее завершении Ронин сразу же отправился бы к себе... если б не кто иной, как сам Сентур, не завел разговор о драконах.

– Налеты в последние пару недель учащаются, – сообщил седобородый рыцарь, отхлебывая вина. – Учащаются и становятся все ожесточеннее. Знают орки, что время их на исходе, вот и стараются побольше бед натворить, пока не настал для них судный день. Всего три дня назад пара драконов спалила селение Джурун, и это богопротивное злодеяние погубило больше половины его жителей. И, мало этого, драконы с хозяевами успели сбежать прежде, чем туда добрались наездники на грифонах.

– Какой ужас, – негромко пробормотала Вериса.

Дункан кивнул. В его темно-карих глазах вспыхнули искорки непреклонности, граничащей с фанатизмом.

– Но скоро всему этому настанет конец! Вскоре мы выступим в поход на Каз Модан, дойдем до самого Грим Батола и покончим с остатками Орды раз и навсегда! Орочья кровь рекой потечет!

– И немало добрых людей найдут там свою смерть, – вполголоса заметил Ронин.

Очевидно, в остроте слуха командир паладинов не уступал эльфийке. Услышав это, он тут же перевел взгляд на мага.

– Так и есть, немало добрых людей найдут там свою смерть! Но мы поклялись уберечь Лордерон и прочие земли от орочьих злодеяний и убережем, чего бы это ни стоило!

– Но прежде нужно что-то сделать с драконами, не так ли? – парировал Ронин, нимало этим заявлением не впечатленный.

– Драконы будут повержены, чародей, и отправятся в преисподнюю, где им самое место. А если ваше дьявольское племя...

Вериса, нежно коснувшись руки паладина, улыбнулась ему, да так, что Ронин вновь почувствовал легкий укол ревности.

– А скажите, лорд Сентур, давно ли вы в паладинах?

К немалому изумлению Ронина, следопытка вмиг превратилась в очарованную, очаровательную юную даму вроде тех, с которыми ему доводилось встречаться при дворе лордеронского короля. Ее превращение заставило, в свою очередь, измениться и Дункана Сентура. Словно бы внимая каждому его слову, Вериса принялась играть и дразнить поседевшего вете-

рана. Манеры ее изменились настолько, что, глядя со стороны, трудно было поверить: неужто это она служила Ронину проводником и охраной последние несколько дней?

Рассказывая о не столь уж «скромном» начале карьеры, Дункан, сын богатого лорда, решивший сделать себе имя на службе ордену, на подробности не поспешил. Прочие рыцари наверняка слышали эту историю далеко не впервые, однако слушали со всем вниманием, несомненно, считая командира блестящим примером, достойным всяческого подражания. Обведя взглядом стол, Ронин с некоторой тревогой отметил, что остальные паладины внимают его повести, почти не моргая и даже почти не дыша.

Вериса то и дело вставляла в рассказ Сентура замечания, превращавшие самые обыденные свершения старика в чудеса воинской доблести. Свои же достижения, отвечая на расспросы лорда Сентура о временах учебы, она, напротив, преуменьшала, хотя маг был уверен, что во многих вещах «его» следопытка с легкостью превзойдет хозяина.

Окончательно ею плененный, паладин, похоже, был готов продолжать рассказ бесконечно, но Ронин, наконец, решил, что с него довольно. Извинившись (чего никто за столом вниманием не удостоил), он поднялся и поспешил наружу, подышать свежим воздухом да немного побыть в одиночестве.

Над крепостью сгустилась безлунная ночь. Тьма окутала рослого мага, будто теплое, уютное одеяло. Как же ему не терпелось добраться до Хасика и отправиться в путь, в Каз Модан! Только это одно могло избавить его и от паладинов, и от следопытов и от прочих никчемных глупцов, без толку путающихся под ногами да мешающих делу. Лучше всего Ронину работало в одиночку, о чем он и пытался напомнить перед тем, последним провалом. Но нет, его никто даже слушать не стал, а между тем он, ради того, чтоб добиться цели, был вынужден делать, что должен. Отправившиеся на задание с ним также не послушали его предостережений и не сумели понять необходимости его опасных трудов. С типичным пренебрежением бездарей ринулись они в атаку, прямо под одно из мощнейших его заклинаний... и посему полегли вместе с настоящими целями, с шайкой орочьих чернокнижников, вознамерившихся вернуть к жизни некое существо – по мнению некоторых, кого-то из легендарных демонов.

О каждом из погибших Ронин сожалел куда больше, чем полагали другие, старшие в Кирин-Торе. Погибшие не давали ему покоя, подстрекали его к более рискованным поступкам... а что может быть опаснее попытки одному, без посторонней помощи, выволить из плена королеву драконов? Освободить ее в одиночку следовало не только ради славы: этим Ронин надеялся умиротворить души покойных товарищей, не оставлявшие его ни на минуту. Между тем, о тревожащих Ронина призраках не знал даже Крас – и, пожалуй, к лучшему: не то, чего доброго, усомнился бы: в здравом ли он уме? *Достоин ли?*

К тому времени, как маг взобрался на крепостную стену, вокруг поднялся ветер. Меж зубцами стены несли караул несколько рыцарей, но весть о его появлении, очевидно, разнеслась по селению мгновенно, и после того, как первый из стражей опознал Ронина, осветив фонарем, от чародея снова все отвернулись. Что ж, мага это вполне устраивало: войны интересовали его не больше, чем он – их.

Туманные силуэты деревьев за стенами крепости превращали окрестности в нечто волшебное. Ронину сразу же захотелось оставить сомнительное гостеприимство хозяев и поискать ночлега под одним из дубов. По крайней мере, тогда ему не придется выслушивать благочестивые разглагольствования Дункана Сентура, на взгляд мага, заинтересовавшегося Верисой куда сильнее, чем подобает рыцарю духовного ордена. Правда, глаза у нее поразительные, а одежда так подчеркивает фигуру, что...

Хмыкнув, Ронин выкинул образ эльфийки из головы. Вынужденное уединение во время испытательного срока явно подействовало на него куда серьезнее, чем он полагал. Первой и главной его возлюбленной была магия, а если Ронину *в самом деле* хотелось женского общества, то он предпочитал особ более покладистого нрава, наподобие холеных юных леди из числа

придворных, или даже впечатлительных служанок, на коих порой натыкался во время странствий. Ну, а высокомерная эльфийская следопытка... нет, нет и нет!

Уж лучше обратить мысли к материям более важным. Вместе со злополучным конем Ронин потерял и предметы, данные ему с собой Красом. Теперь следовало во что бы то ни стало связаться с ним и сообщить о случившемся. Жаль, конечно, но без этого не обойтись: слишком уж велик его долг перед покровителем. Разумеется, о возвращении молодой маг даже не помышлял: вернувшись, он никогда не восстановит лица ни перед равными ему, ни даже перед собою самим.

С этими мыслями Ронин огляделся вокруг. Глаза его, видевшие в ночной темноте несколько лучше среднего, ни одного из часовых поблизости не заметили. От взора последнего пройденного караульного его заслонял угол сторожевой башни. Пожалуй, для начала лучшего места и не придумаешь. Отведенная ему комната тоже вполне подошла бы, однако Ронин предпочитал свежий воздух: под открытым небом куда проще очищать мысли от паутины и прочего хлама.

Из глубокого кармана одежд вынул он маленький темный кристалл. Не лучший способ устанавливать связь на расстоянии множества миль, но выбирать было не из чего. Подняв кристалл кверху, наведя его на самую яркую из крохотных звездочек над головой, Ронин забормотал заклинание. Внутри, в самой сердцевине камня, с каждым новым словом набирая силу, замерцал неяркий огонек. Тайнственные слова катились, текли с языка одно за другим, и...

И вдруг звезды разом *исчезли*.

Оборвав заклинание на полуслове, Ронин изумленно уставился в небо. Нет, звезды, на коих он сосредоточился, никуда не делись: теперь он видел их снова. Однако... однако маг мог бы поклясться, что на миг, не более того, они...

Нет, пустяки. Игра воображения вкупе с усталостью. Учитывая испытания, выпавшие сегодня на его долю, Ронину следовало сразу же после ужина отправиться спать, но вначале он решил попробовать связаться с Красом. Что ж, чем скорей он покончит с этим, тем лучше. К утру ему следует быть как новенькому – ведь этот лорд Сентур наверняка задаст самый изнурительный темп.

Снова Ронин поднял кристалл повыше, снова забормотал тайные слова заклинания. На этот раз никакой обман зрения ему не...

– Что ты здесь делаешь, чародей? – громко, властно спросил кто-то неподалеку.

Взбешенный сей новой помехой, Ронин вполголоса выругался, обернулся к подошедшему рыцарю и зарычал:

– Ничего для тебя ин...

Стена содрогнулась от взрыва.

Кристалл из пальцев Ронина немедленно выскользнул, однако отыскивать его времени не было: тут бы самому со стены не свалиться да не разбиться насмерть!

А вот у караульного подобных надежд не осталось. Как только стену встряхнуло, он рухнул назад и, кувыркнувшись через зубы, полетел вниз. Пронзительный вопль его потряс Ронина до глубины души – особенно в самом конце, разом оборвавшись.

Грохот утих, но разрушения, учиненные взрывом, на том не закончились. Едва злополучный волшебник сумел подняться, часть стены под ногами, дрогнув, качнулась внутрь. Решив укрыться в сторожевой башне, Ронин прыгнул к ней, приземлился у дверного проема, рванулся внутрь, но тут и башня угрожающе пошатнулась. Тогда Ронин бросился назад, но поздно: дверной проем обвалился, и маг оказался в ловушке.

Уверенный, что спастись уже не успеет, он начал читать заклинание. В следующий миг сверху на него обрушился потолок, и...

И вместе с этим волшебника словно бы подхватила, сжала в кулаке огромная ладонь, да такая горячая, что Ронин, задохнувшись от боли, лишился чувств.

Некрос Дробитель Черепов размышлял над судьбой, что когда-то, давным-давно, предсказали ему гадальные кости. Задумчиво постукивая пальцем по кончику пожелтевшего клыка, старый орк не сводил глаз с золотого диска в мясистой ладони другой руки и все гадал и гадал, как же он, выучившийся управляться с подобной силой, мог навсегда угодить в няньки и тюремщики при этой вот самке-наседке, занятой в жизни одним только производством на свет потомства – выводка за выводком, выводка за выводком... Конечно, тут наверняка как-то да сказывались два обстоятельства: во-первых, она – величайшая из драконов, а во-вторых, на одной-то ноге Некросу ни за что не стать вождем клана и уж тем более не удержаться в вождах.

Казалось, золотой диск над ним издевается. Казалось, эта штука только и знает, что издеваться над ним, однако выбросить ее увечному орку даже в голову не приходило. Все-таки благодаря этому диску он до сих пор сохранил уважение товарищей-воинов... пусть даже утратил всякое уважение к самому себе в тот самый день, когда человеческий рыцарь начисто отсек ему левую ногу ниже колена. Да, человека того Некрос сразил, однако заставить себя поступить по чести так и не смог. Так и позволил товарищам уволочь его с поля боя, приречь рану и смастерить для него, Некроса, деревяшку – опору взамен утраченной конечности.

Взгляд орка скользнул по остаткам колена и прикрепленной к ним деревянной ноге. Не видать ему больше славных боев, не видать былой рубки, крови и смерти... Другие воины добровольно расставались с жизнью из-за куда менее прискорбных увечий, но Некрос... Некрос покончить с собою не мог. При одной мысли о том, чтобы поднести клинок к собственной груди или горлу, душу охватывал леденящий страх, о коем он не смел рассказать никому. Он, Некрос Дробитель Черепов, очень хотел жить, чего бы это ни стоило.

Конечно, в клане Драконьей Пасти имелись те, кто мог бы давным-давно отправить Некроса в путь к полям славных битв, к жизни в посмертии, если бы не его дар чернокнижника. Склонность к сему за ним обнаружилась еще в юности, и Некроса взяли в учение некоторые из величайших. Однако путь чернокнижника требовал от него и другого решения, другого, мрачного, жуткого выбора, и принимать этот выбор Некрос не пожелал. По его разумению, подобное никак не могло пойти на пользу Орде – скорее, наоборот, подтачивало ее силы. Бежав из рядов чернокнижников, он снова встал на путь воина, но время от времени вождем, великий шаман Зулухед, приказывал ему вспомнить о тех, других навыках – особенно когда дело дошло до свершения, считавшегося невозможным даже среди большей части орков, до пленения королевы драконов, самой Алекстрызы.

Зулухед овладел ритуальной магией древней шаманской веры, что, начиная от самого образования Орды, сумели лишь единицы, но ради сей цели требовалось также воззвать к силам куда более темным, а этому-то и был обучен Некрос. Началось все с того, что Зулухеду каким-то образом (каким, иссохший от старости орк увечному товарищу так и не рассказал) удалось разузнать, где искать древний талисман, по слухам, способный творить невероятные чудеса. Одна беда: на шаманские заклятья он не откликался, сколько бы сил ни вкладывал вождем в колдовство. Пришлось Зулухеду обратиться к единственному чернокнижнику, которому он мог доверять, к воину, верному клану Драконьей Пасти.

Так Некрос Дробитель Черепов и унаследовал Душу Демона.

Этим именем нарек простой, без прикрас, золотой диск Зулухед, хотя Некрос поначалу не понимал, отчего. Крутил его Некрос, вертел, снова и снова дивясь его бесхитростному, однако весьма впечатляющему виду... Да, чистое золото, а формой – вроде огромной монеты со скругленным гуртом. Блеска диск не терял даже в самом неярком свете, и ничто не могло его запятнать: масло, грязь, кровь – все до капли стекало с золотой глади.

– Талисман этот древнее магии шаманов и чернокнижников, – сказал ему Зулухед. – Я ничего поделывать с ним не могу, но, может, тебе удастся?

Хоть и многому обученный, но отрешившись от темной волшбы, одноногий орк сомневался, что сумеет управиться с этим лучше легендарного вождя. Однако талисман Некрос взял и принялся вникать в его суть, пытаясь почувствовать: для чего, как он может быть применен.

Спустя два дня, благодаря его сногшибательному успеху и наставлениям Зулухеда, им удалось совершить то, что полагали невыполнимым все прочие – особенно сама королева драконов.

Закряхтев, Некрос неторопливо поднялся на ноги. Деревянная нога здорово натирала культу, а огромная тяжесть орка еще усиливала боль. Насчет своей способности править кланом Некрос не питал ни малейших иллюзий. Куда ему в вожди, если он и по этим пещерам еле ходит?

Однако ж настала пора ее высочество навестить, удостовериться, что она не забыла о соблюдении сроков. Зулухед и еще горстка вождей свободных кланов по сию пору мечтают о возрождении Орды, подстрекают брошенных этим слабаком, Молотом Рока, к перевороту... Сам Некрос насчет их грез сомневался, однако орком был верным и, как подобает верному орку, приказы вождя исполнял в точности.

Зажав Душу Демона в кулаке, орк похромал вперед, вдоль сырого, промозглого подземного коридора. Клан Драконьей Пасти неплохо потрудился, расширяя лабиринт подземелий, раскинувшийся под здешними горами. Частая сеть коридоров позволяла оркам вершить нелегкий труд, растить и обучать драконов во славу Орды, без лишних сложностей. Места драконы занимали немало, и каждому требовалось отдельное помещение, а каждое из этих помещений требовалось выкопать.

Конечно, теперь драконов стало намного меньше, о чем Зулухед с остальными в последнее время напоминали Некросу чуть ли не каждый день. Без драконов не видать им успеха во всем этом отчаянном предприятии.

– И как мне, скажите на милость, заставить ее быстрее производить потомство? – проворчал Некрос себе под нос.

Навстречу ему попались двое молодых, мускулистых воинов. Почти семи футов ростом, вдвое шире любого из противников-людей в плечах, клыкастые бойцы коротко кивнули Некросу в знак почтения к его положению. На перевязях, за их спинами, покачивались огромные боевые топоры. Оба были наездниками на драконах, причем новичками. Наездники гибли примерно вдвое чаще крылатых зверей – обычно не вовремя ослабив хватку. Время от времени Некросу приходило на ум, не оскудеет ли клан боеспособными воинами, прежде чем в бою сложит голову последний дракон, но с Зулухедом он разговоров об этом не затевал.

Ковыляя вперед, старый орк вскоре услышал красноречивые звуки, свидетельствовавшие о близости королевы драконов, и сразу отметил тяжкие вздохи, отдававшиеся эхом под сводами подземелья. Казалось, откуда-то из недр земли рвется наружу пар. Что означает эта тяжесть дыхания, Некрос знал. Явился он как раз вовремя.

Входа в огромную пещеру, служившую приютом королеве драконов, никто не стерег, однако Некрос замедлил шаг. В прошлом враги не раз пытались освободить или прикончить исполинскую красную драконицу, но все их старания неизменно заканчивались жестокой смертью. Не от драконьих когтей, разумеется – она-то встретила бы убийц с радостью и облегчением. Губила врагов неожиданная особенность зажатого в кулаке Некроса талисмана.

Сощурившись, орк пригляделся к открытому – казалось бы – проему входа.

– Явись!

В тот же миг воздух под аркой входа вспыхнул огнем. Крохотные сгустки пламени немедля слились воедино, и арку заполнила, заслонила собой подобная человеку фигура. Вместо головы на плечах ее возникло нечто, отдаленно напоминавшее огненный череп. Латы, казавшиеся пылающей костью, составили туловище жуткого воина, рядом с которым казались карликами даже гиганты-орки. Жара адского пламени Некрос не чувствовал, но знал: если

стоящая перед ним тварь тронет его хоть кончиком пальца, все тело пронзит такая боль, какой не представить себе ни одному закаленному в битвах бойцу.

Среди прочих орков гуляли слухи, будто Некрос Дробитель Черепов призвал на службу одного из легендарных демонов. Сам Некрос этих слухов не опровергал, однако Зулухед знал, в чем дело. Чудовищное создание, охранявшее королеву драконов, способностью к независимому мышлению не обладало. Пытаясь обуздать силы таинственного талисмана, Некрос выпустил на волю нечто другое. Зулухед называл это существо огненным големом – возможно, состоящим из овеществленной демонической силы, но к сим якобы мифическим созданиям, определенно, не принадлежащим.

Каким бы образом, с какой бы целью ни был сотворен этот голем изначально, караульный из него получился отличный. Даже самые неистовые воины обходили его стороной, а повиновался он одному только Некросу. Зулухед тоже пробовал, но талисман, из которого появился голем, очевидно, теперь был накрепко связан с одноногим орком.

– Я вхожу, – сообщил огненному созданию Некрос.

Голем замер... а после распался, рассыпался, брызнув во все стороны снопами гаснущих искр. Не раз и не два наблюдавший его исчезновение, Некрос, однако ж, слегка отшатнулся, не смея сделать ни шагу, пока не угаснет последняя искорка.

Едва орк переступил порог, в пещере раздался голос:

– Я... знала... что ты... вскоре явишься...

Презрение в голосе скованной кандалами королевы драконов не породило в душе ее тюремщика ни малейшей обиды. Чего только он не наслушался от нее за все эти годы... Сжимая в кулаке талисман, Некрос подошел к ее голове, в силу необходимости притянутой к полу цепями. Один погонщик уже сгинул в ее клыкастой пасти, и гибель второго клану пойти на пользу никак не могла.

По справедливости, железными цепями и оковами такого великолепного исполинского зверя не обуздать: железу придавала прочности магия золотого диска. Вырваться на волю Алекстраза не смогла бы ни за что, даже пустив в ход всю свою силу, но это, конечно же, вовсе не значило, что она присмирела.

– Не нуждаешься ли ты в чем-нибудь? – спросил Некрос, однако вовсе не из заботы о ней. Ему требовалось одно: чтобы она продолжала жить, служа нуждам Орды.

Некогда алая чешуя королевы драконов блестела, будто металл. Да, Алекстраза и сейчас занимала просторное подземелье почти целиком, вот только теперь из-под шкуры ее слегка выступали ребра, а голос звучал изможденно, уныло. Однако, невзирая на столь плачевное состояние, огонь ненависти в ее огромных золотых глазах полыхал жарче прежнего, и орк понимал: если королеве драконов когда-нибудь *удастся* освободиться, он первым отправится в ее брюхо или будет изжарен на месте. Правда, шансы на это были так невелики, что одноногий Некрос ничуть не опасался за свою шкуру и жизнь.

– От смерти бы не отказалась.

На это Некрос только крякнул и отвернулся, прерывая пустой разговор. Как-то раз она пробовала уморить себя голодом, однако простой уловки – взять из следующей же кладки яйцо да разбить у нее на глазах – оказалось довольно, чтоб привести ее в неопишуемый ужас и покончить с этой угрозой навеки. Зная, что всех ее детенышей выдрессируют, выучат наводить страх на врагов Орды, а после им, весьма вероятно, суждено пасть в бою, Алекстраза явно не теряла надежды: быть может, когда-нибудь они обретут свободу. Разбить яйцо – все равно, что разбить частицу этой надежды: погибшему детенышу самому себе господином не стать уже никогда.

С этими мыслями Некрос, как всегда, осмотрел последнюю кладку. На сей раз – пять яиц. Количество неплохое, однако большая часть чуточку меньше обычного. Тревожный знак... Вождь уже выражал недовольство недомерками, рожденными из предыдущей кладки, хотя даже дракон-недомерок превосходит размерами орка раз в пять или шесть.

Надежно упрятав диск в кошель у пояса, Некрос нагнулся и подхватил одно из яиц. Утрата ноги рук его ничуть не ослабила, и потому помянутый предмет могучий орк сумел поднять без труда. «Весит немало», – отметил он. Если и прочие яйца так же тяжелы, то из этих, по крайней мере, детеныши выйдут здоровыми. Надо бы как можно скорей переправить их вниз, в инкубационный зал, а там, в жаре жерла вулкана, они наверняка дозреют до появления на свет потомства.

– Все это впустую, смертный, – проворчала королева драконов, стоило Некросу опустить яйцо. – Ваша ничтожная война, считай, уже кончена.

Старый орк вновь повернулся к пленнице.

– Может, ты и права, ящерица, – прорычал он, несомненно, удивив ее этакой откровенностью. – Но мы будем биться до конца.

– Тогда биться придется без нас. Мой последний супруг при смерти, и тебе об этом известно. Не станет его, вам и яиц больше не видать.

Голос ее, и без того негромкий, зазвучал едва различимо, дыхание сделалось еще тяжелее, словно разговор стоил королеве драконов всех остававшихся сил.

Некрос сощурился, глядя в полусферы драконьих глаз. Да, он знал: последний супруг Алекстразы действительно при смерти. Вначале их было трое, но один пал, пытаясь бежать за море, второй же умер от ран, полученных в тот день, когда дракон-отступник Смертокрыл сумел застать его врасплох. Третий, старейший из всех, оставался при королеве, но был на многие сотни лет старше самой Алекстразы, и теперь все эти столетия вкупе с прежними едва ли не смертельными ранами начали брать свое.

– Ничего, другого подыщем.

Алекстраза не без труда фыркнула. Голос ее совсем утратил силу, превратился в тишайший шепот:

– И как же... вы собираетесь взяться за это дело?

– Ничего, справимся. Найдем.

Другого ответа у Некроса не имелось, но будь он проклят, если признается в том на радость этой ящерице! Долго сдерживаемые в узде, досада и ярость начали перехлестывать через край.

– А что до тебя, ящерица...

Прохромав к королеве драконов, Некрос осмелился остановиться в какой-то паре ярдов от ее головы. Он знал: благодаря зачарованным узам, она не сумеет ни сжечь его, ни сожрать. Знал... но вдруг, к немалому его смятению, голова Алекстразы вместе с оковами придвинулась вплотную, заслонила собой все вокруг. Драконья пасть распахнулась во всю ширь, и орку пришлось без всякого удовольствия взглянуть в самую глубину брюха твари, которой он вот-вот достанется на закуску.

Вернее, достался бы на закуску, если бы не исключительное проворство. Вцепившись в кошель с Душой Демона, чернокнижник пробормотал одно-единственное слово, отдал единственный мысленный приказ.

Пещера содрогнулась от страдальческого рева, да так, что с потолка посыпались осколки камня. Алое чудище поспешило отдернуть башку. Ошейник поперек драконьего горла засиял с такой силой, что орку пришлось прикрыть ладонью глаза.

В мгновение ока возникший рядом огненный слуга диска устремил на Некроса темные ямы глазниц, ожидая распоряжений. Но чернокнижник в этом создании не нуждался: из положения, едва не закончившегося бедой, его выручил сам талисман.

– Ступай, – велел Некрос огненному голему.

Едва голем убрался прочь, рассыпавшись фейерверком искр, вечный орк снова осмелился подойти к королеве драконов. Уродливое лицо его исказила гримаса злобы. Некрос

понимал, что дело, которому он служит, безнадежно, и оттого покушение исполинского зверя на его жизнь распалило в нем небывалый гнев.

– Все хитришь, значит, ящерица? – прорычал он, окинув взглядом скобу, над коей Алекстразы явно долго трудилась, высвобождая ее из камня. Только тут Некрос и сообразил, что чары, придающие прочность ее оковам, не распространяются на стены, в которых эти оковы закреплены... и эта ошибка едва не стоила ему жизни.

Ну, ничего. Не сумев погубить его, ящерица дорого заплатит за эту попытку.

Подняв голову, Некрос уставился из-под тяжелых бровей на драконицу. Да, теперь уж та и вправду изрядно пострадала...

– Смелая выходка, смелая, – прорычал он, поднося золотой диск к расширившимся от страха глазам Алекстразы. – Смелая, однако глупая. Зулухед велел по возможности содержать тебя в добром здравии, но в то же время мой вождь распорядился примерно наказывать тебя, когда я сочту это необходимым. И вот сейчас...

С этими словами Некрос еще сильнее стиснул в пальцах ярко сияющий золотой диск.

– Прости ничтожному сие вторжение, о добрый мой господин, – раздался за спиной писклявый, режущий ухо голос, – но я пришел с вестью, которую ты непременно, о, непременно должен услышать!

От неожиданности Некрос едва не выронил талисман. Со всем доступным одноногому проворством развернувшись, огромный орк устремил взгляд вниз, на жалкое крохотное создание с ушами летучей мыши и полной пастью острых зубов, обнаженных в бесшабашной улыбке. Глядя на него, Некрос сам не понимал, что раздражает сильнее – само это создание, или же тот факт, что гоблин каким-то манером ухитрился проникнуть в пещеру к драконице, а голем его не остановил.

– Ты?! Как ты сюда пробрался?

Разом забыв о наказании драконицы, орк склонился, ухватил коротышку за глотку и поднял в воздух.

– Как?!

Улыбки с физиономии мелкого мерзавца не стерла даже крепко стиснувшая горло рука.

– П-просто взял д-да вошел, о д-добрый мой господин! Просто в-взял да вошел!

Некрос задумался. Должно быть, гоблин проскользнул внутрь как раз в тот миг, когда огненный голем пришел на подмогу хозяину. Да, гоблины – народец ушлый, нередко проникают туда, куда вроде бы ни за что не пробраться, однако даже этот хитрец и жулик не смог бы войти сюда, в эту пещеру, иначе.

– Ладно! – рыкнул он, разжимая пальцы. – С чем явился? Что за вести принес?

Гоблин, шлепнувшись наземь, потер пострадавшее горло и заулыбался шире прежнего.

– Только самые важные, уверяю тебя, только самые важные! Разве я хоть разок подводил тебя, о дивный мой господин?

Невзирая на то, что понятий о чести у гоблина, согласно твердому убеждению Некроса, могло отыскаться не больше, чем у земляного слизня, следовало отдать ему должное: да, этот коротышка еще ни разу его не подвел. Союзники в лучшем случае сомнительные, гоблины вели множество собственных игр, но поручения, возлагаемые на них Молотом Рока, а до него – великим Черноруком, всегда исполняли в точности.

– Ну, так выкладывай, да поживее!

Озорной бесенок мелко закивал.

– Да, Некрос, да! Я пришел предупредить тебя о плане – и, правду сказать, не одном! – освобождения...

Тут он запнулся и качнул головой вбок, в сторону выбившейся из сил Алекстразы.

– Одним словом, кое-кто замышляет пустить по ветру все мечты и надежды клана Драконьей Пасти!

Вдоль хребта орка пробежал зябкий, неуютный холодок.

– О чем это ты?

И вновь гоблин, склонив голову вбок, кивнул в сторону королевы драконов.

– Может, лучше не здесь, господин?

Да, в этом ушастый коротышка был прав. Некрос бросил взгляд на пленницу. Казалось, от боли и измождения она лишилась чувств... но все-таки рядом с ней лишнего болтать не стоило. Если соглядатай принес *те самые* вести, подробности королеве драконов, определенно, ни к чему.

– Ладно, – проворчал Некрос и заковылял к выходу из пещеры, уже раздумывая над возможным развитием событий.

Гоблин, ухмыляясь от уха до уха, вприпрыжку поскакал рядом. Некросу очень хотелось стереть с лица коротышки эту раздражающую ухмылку, однако гоблин пока что был ему нужен. Вот если подаст хоть самый ничтожный повод...

– Ну, гляди, Крилл! Уж лучше пусть вести окажутся добрыми. Не то... понимаешь?

Крилл, поспешая за орком, закивал, ушастая башка его закачалась вверх-вниз, точно голова сломанной куклы.

– Не сомневайся, господин Некрос! *Не сомневайся...*

Глава пятая

– Все он здесь ни при чем, – настаивала Вериса. – Зачем ему мог понадобиться этот взрыв?

– Он – волшебник, – ровно парировал Дункан, как будто это отвечало разом на все вопросы до единого. – Жизни и имущество окружающих волшебникам безразличны.

Прекрасно помня о предубеждениях святого ордена к магии, спорить с этим Вериса не стала. Эльфийка, она выросла среди магии и даже сама кое-каким мелочам обучилась, а посему вовсе не думала о Ронине так же скверно, как паладин. Может, Ронин и показался ей легкомысленным, но не такое же он чудовище, не такой злодей, чтоб не подумать о жизни окружающих! Разве он не помог Верисе во время бегства от дракона? А ведь, казалось бы, зачем ему рисковать собой? До Хасика он вполне мог бы добраться и без нее.

– А если он ни при чем, – продолжал лорд Сентур, слегка почесав в бороде, – то куда же тогда подевался? Почему под обломками стены от него – ни следа? Будь он ни в чем не виновен, его тело нашлось бы там, рядом с телами двух наших братьев, погубленных его волшебством... Нет, эта подлость – его рук дело, так и знайте.

«И теперь ты будешь охотиться на него, точно на зверя», – подумала Вериса: ну, а зачем бы еще Дункан, созвав десятерых лучших рыцарей, поехал с ними на поиски пропавшего чародея? Вначале Вериса решила, что паладины отправились выручать его, но вскоре поняла: речь совсем о другом. Стоило эльфийке услышать взрыв и вместе со всеми осмотреть развалины, в сердце что-то кольнуло. Мало того, что она не смогла уберечь спутника – и он, и еще двое погибли ни за что ни про что! Однако Дункан явно с самого начала думал иначе, особенно после того, как в развалинах не обнаружилось тела Ронина.

Сама Вериса первым делом вспомнила о гоблинах-саперах, превосходно умеющих, тайком подобраться к крепостным стенам, закладывая под них смертоносные минные заряды, однако главный из паладинов твердо ответил, что его земли от любых следов сил Орды очищены полностью, а уж от гоблинов – и подавно. Да, у этих подлых коротышек имелось несколько фантастических, совершенно невероятных летучих машин, но часовыми ничего подобного замечено не было. Между тем, чтобы остаться незамеченным, воздушному судну гоблинов нужно двигаться с быстротой молнии, а на такое их громоздкие, неповоротливые машины попросту неспособны.

Таким образом, самым вероятным виновником учиненных разрушений оставался, конечно же, Ронин.

Однако Вериса не верила, что маг на такое способен – особенно если вспомнить, как непреклонно стремился он исполнить полученное задание. Оставалось только надеяться, что, если юного мага отыщут, она сумеет убедить Дункана и остальных не выпускать ему кишки прежде, чем у них появится шанс выяснить правду.

Прочесав ближайшие окрестности, отряд устремился дальше, в направлении Хасика. Правда, многие из молодых рыцарей подозревали, что Ронин, по всей вероятности, воспользовался магией и давным-давно перенесся прямо в пункт назначения, однако Дункан Сентур, очевидно, ставил способности волшебника к подобным вещам не столь высоко, чтобы принять эти соображения близко к сердцу. Он истово верил, что мага-предателя удастся изловить и отдать в руки праведного суда, а к тому времени, как день вошел в силу и солнце двинулось вниз, в невиновности Ронина начала сомневаться даже Вериса. Что, если он *вправду* учинил бедствие, а после скрылся оттуда, где понапрасну погубил людей?

– Вскоре будем устраиваться на ночлег, – несколько позже объявил лорд Сентур, вглядываясь в густеющий лес. – Нет, неприятностей я не жду, однако что толку рыскать по зарослям в темноте? Ночью добычу и под самым носом можно не разглядеть.

Превосходящая спутников остротой глаз, Вериса подумала, не продолжить ли поиски самой, однако тут же решила: не стоит. Если Рыцари Серебряной Длани отыщут Ронина без нее, шансов уцелеть у волшебника не останется почти никаких.

Отряд проехал еще немного вперед, но никто ничего не заметил. Солнце скользнуло за горизонт, и путь им теперь освещали лишь неяркие отсветы вечерней зари. Дункан, как и обещал, неохотно отдал рыцарям приказ прервать поиски и немедленно заняться устройством лагеря. Вериса спешила, но по-прежнему продолжала оглядывать окрестные земли, вопреки здравому смыслу надеясь, что огненно-рыжий волшебник вот-вот где-нибудь да объявится.

– Поблизости его нет, леди Вериса.

Обернувшись, эльфийка подняла взгляд на командира, единственного из отряда, чей рост вынуждал ее смотреть на него снизу вверх.

– Ничего не могу с собою поделывать, милорд.

– Не волнуйтесь, скоро мы этого подлеца отыщем.

– Но вначале, лорд Сентур, нам следует его выслушать. Уверена, справедливость к этому обязывает.

Закованный в латы паладин только пожал плечами, как будто сам никакой разницы не чувствовал.

– Разумеется, возможность покаяться ему предоставлена будет.

После чего Ронина либо отведут назад в кандалах, либо казнят на месте... Святой орден, Рыцари Серебряной Длани славились также тем, что суд и расправу вершили без проволочек.

Не доверяя собственному языку, вполне способному в этот момент окончательно свергнуть командующего паладинами в ярость, Вериса извинилась перед ним, отвела кобылу к дереву на краю лагеря и тихо скользнула в заросли. Стоило эльфийке углубиться в родную стихию, шум лагеря за спиной стих.

Тут Верису вновь охватил соблазн продолжить поиск самой. Ей ведь так легко ловко, бесшумно пройти через лес да осмотреть расщелины и густые заросли, где можно спрятать мертвое тело!

– Все горячишься, Вериса, все спешишь управиться с делом в собственной неповторимой манере, а? – спросила одна из наставниц вскоре после того, как началась ее учеба у следопытов, в чьи ряды отбирали лишь лучших из лучших. – Нетерпелива ты, словно родилась человеком. Продолжай в том же духе, и долго в следопытах тебе не прослужить...

Однако, невзирая на скепсис многих наставниц, цели Вериса достигла, сделалась одной из лучших среди соучеников и теперь никак не могла забыть о науке, поддавшись беспечности.

Дав себе слово вернуться к остальным после недолгой – всего-то пара минут – передышки в лесу, среброволосая следопытка взобралась на дерево, прислонилась спиной к стволу и с облегчением перевела дух. Задание такое простое, а она уже едва все не испортила, причем не раз – дважды! Если Ронин так и не отыщется, придется хорошенько подумать, как объясняться со старшими, не говоря уже о даларанском Кирин-Торе. Разумеется, на ней никакой вины нет, но все-таки...

Внезапный шквал едва не сбросил Верису с дерева. В последний миг успев уцепиться за ветку, эльфийка услышала в отдалении раздраженные возгласы рыцарей и громкий, беспорядочный стук и лязг всевозможных предметов, разлетевшихся в стороны.

Шквал унялся столь же внезапно, как и налетел. Откинув с лица пряди растрепанных волос, Вериса поспешила назад, в лагерь. На сердце стало тревожно: что, если Дункан и остальные атакованы некоей страшной силой вроде того самого дракона? По счастью, приблизившись к лагерю, следопытка услышала голоса паладинов, обсуждающих восстановление лагеря, а, выйдя из зарослей, не обнаружила в лагере никаких бедствий, кроме раскиданных ветром постелей и прочей походной утвари.

Лорд Сентур, подойдя к ней, окинул ее взглядом, полным заботы.

– С вами все в порядке, миледи? Вас не постигла беда?

– Нет, ничего подобного. Ветер застал врасплох, вот и все.

– Ветер застал врасплох всех нас, – согласился Сентур, почесав в бороде и устремив пристальный взгляд в гущу леса. – Вот только, сдается мне, обычные ветры так не дуют... Роланд! – крикнул он, обернувшись к одному из своих. – Удвой караулы! Может статься, буре еще не конец!

– Слушаюсь, милорд! – откликнулся стройный бледнокожий рыцарь. – Кристоф! Джейкоб! Ступайте...

Голос его оборвался столь неожиданно, что и вновь повернувшийся к эльфийке Дункан, и сама Вериса устремили взгляды на него: уж не сражен ли он стрелой или арбалетным болтом? Нет, ничего подобного не произошло. Рыцарь замер, не сводя глаз с темной груды тряпья среди вороха походных постелей – груды тряпья с вытянутыми в струнку ногами и руками, скрещенными поверх груди, точно на смертном ложе.

Приглядевшись, Вериса узнала в этой темной грудке тряпья Ронина.

Следопытка и рыцари собрались вокруг мага, и один из паладинов осветил его поднесенным поближе факелом. Склонившись пониже, эльфийка принялась осматривать тело. В пляшущих отсветах пламени Ронин казался бледным, недвижимым, и поначалу Верисе не удалось разглядеть, дышит он или нет. Тогда она потянулась к его щеке, и...

Глаза мага распахнулись во всю ширь, заставив всех вокруг вздрогнуть от неожиданности.

– Следопытка... как же я рад... снова видеть тебя...

С этим Ронин вновь смежил веки и моментально уснул.

– Безмозглый волшебник! – рявкнул Дункан Сентур. – Взял да исчез с места гибели двух добрых людей, а теперь, как ни в чем не бывало, появляется среди нас и вознамеривается спать?!

Очевидно, собираясь встряхнуть Ронина и разбудить, он потянулся к нему, однако, едва коснувшись пальцами его темных одежд, вскрикнул от изумления.

– Он окружен каким-то невидимым дьявольским пламенем! – зарычал паладин, уставившись на латную рукавицу, будто его укусили за руку. – Даже сквозь сталь жжется, словно тлеющий уголь схватил!

Несмотря на его предостережение, Вериса решила проверить все сама. Да, разумеется, коснувшись одежды Ронина, кое-какие неудобства она испытала, однако с описанными лордом Сентуром ощущениями они не шли ни в какое сравнение. Но все-таки следопытка отдернула руку и согласно кивнула, рассудив, что сообщать главному из паладинов о такой разнице пока незачем.

За спиной Верисы раздался негромкий скрежет выскальзывающей из ножен стали. Эльфийка поспешила поднять взгляд на Дункана, но тот уже отрицательно качал головой, глядя в сторону оплошавшего рыцаря.

– Нет, Вексфорд, не пристало Рыцарю Серебряной Длани разить врага, неспособного защититься, кем бы он ни был. Такой поступок – несмываемое пятно на нашей клятве. Полагаю, нам следует сейчас же выставить рядом караул, а утром посмотрим, что станет с нашим чародеем за ночь, – заключил лорд Сентур. Загорелое, обветренное лицо его потемнело от гнева. – Так или иначе, а едва он проснется, праведный суд над ним будет свершен.

– Его постерегу я, – вмешалась Вериса. – Этого будет вполне довольно.

– Прошу простить меня, миледи, но ваша связь с...

Выпрямившись, расправив плечи, Вериса взглянула в глаза главного паладина со всей жесткостью, на какую была способна.

– Вы сомневаетесь в слове следопыта, лорд Сентур? Вы сомневаетесь в моем слове? Не думаете ли вы, что я помогу ему снова скрыться?

Дункан слегка втянул голову в плечи.

– Разумеется, нет! Если вам так угодно, будь по-вашему. Я разрешаю. Однако стоять в карауле всю ночь, без замены...

– А это уж решать мне. Разве вы поступили бы иначе, если б его вверили вашему попечению?

Тут уж лорду Сентуру возразить было нечего. Поразмыслив, он покачал головой, повернулся к остальным воинам и принялся отдавать распоряжения. Не прошло и минуты, как следопытка с волшебником остались посреди лагеря одни. Ронина так и бросили лежать поверх пары походных постелей: верного способа вытащить их, не обжегшись, рыцари не нашли.

Вериса осмотрела спящего насколько это было возможно, не прикасаясь к нему. Одежды Ронина местами оказались разорваны, кожа в синяках и мелких царапинах, но сверх того он, кажется, не пострадал – только лицо осунулось, словно от непомерной усталости.

Возможно, виной тому была сгустившаяся темнота, но, осматривая человека, Вериса подумала, что выглядит он куда более беззащитным, чем раньше, и даже внушает сочувствие. Следовало также признать, с виду он был довольно красив... однако все прочие мысли в этом направлении эльфийка живо пресекла на корню. Уж лучше прикинуть, не удастся ли устроить бесчувственного мага поудобнее, но как сделать это, не показав остальным, что Вериса выдерживает прикосновение к нему, придумать не удалось. Выдав же свой секрет, она вполне могла вдохновить лорда Сентура на решение связать Ронина для большей надежности, а это противоречило возникшим меж магом и эльфийкой узам.

Не видя иного выхода, Вериса устроилась поблизости от распростертого навзничь тела и огляделась: нет ли рядом опасности? Внезапное возвращение Ронина внушало нешуточные сомнения и ей, и Дункану, пусть даже тот не обмолвился о них ни словом. Добраться до середины лагеря самостоятельно Ронин был явно не в силах. Разве что магия? Да, после подобных усилий он вполне мог уснуть мертвым сном... однако верилось в это слабо. На взгляд Верисы, выглядел он, скорее, как человек, кем-то похищенный, а после, когда похититель сделал с ним, что задумал, подброшенный назад.

Вопрос только, кто мог проделать столь невероятный фокус... и чего ради?

Проснулся он, понимая, что все вокруг против него.

Хотя, может быть, и не все. Что думает (если вообще хоть что-нибудь думает) на его счет эльфийская следопытка, Ронин точно не знал. В каких они отношениях? Если уж по чести, данная ею клятва живым и здоровым доставить его в Хасик должна означать, что ей надлежит защищать его даже от этих святош-паладинов, но... поди тут разберись! На последнем задании в одном отряде с ним тоже имелась эльфийка, такая же следопытка, как и Вериса, только постарше. Однако та держалась с волшебником примерно так же, как и Дункан Сентур, и даже с еще меньшим тактом...

Ронин осторожно, чтобы никто не заметил его пробуждения, перевел дух. Способ выяснить, кто и что здесь о нем думает, существовал лишь один, но прежде ему требовалась еще пара минут, чтобы собраться с мыслями. Первым делом рыцари, среди прочего, наверняка спросят, какова его роль в случившемся бедствии и что произошло с ним после. Допустим, относительно первого измученный волшебник им кое-что рассказать сумеет... а вот насчет второго им, вероятнее всего, известно столько же, сколько ему.

Что ж, мешкать дальше Ронин уже не мог. Еще раз вздохнув, он подчеркнуто, напоказ потянулся, словно бы просыпаясь.

Рядом раздался негромкий шорох.

С расчетливой небрежностью открыв глаза, маг огляделся вокруг. К немалому его облегчению – и даже некоторому удовольствию – первым, что он увидел, оказалось исполненное заботы лицо Верисы. Склонившись над ним, следопытка внимательно осматривала, изучала

подопечного. «Поразительные глаза. Синие, точно небо», – подумал было Ронин, но тут же выкинул подобные мысли из головы: судя по лязгу металла, его пробуждение заметили и остальные.

– Как он там? Снова среди живых? – пророкотал лорд Сентур. – Ну что ж, поглядим, надолго ли...

Стройная эльфийка немедля вскочила на ноги, преградив паладину путь.

– Он же только-только открыл глаза! Дайте ему время хотя бы прийти в себя и поесть, а уж после допрашивайте!

– Ни в одном из основных прав я, миледи, ему не отказываю, но на вопросы ему придется ответить *за* завтраком, а не после.

Опершись на локти, Ронин приподнялся, увидел над собой мрачную физиономию Дункана и понял: Рыцари Серебряной Длани обвиняют его в какой-то измене, а может, даже в убийстве. Вспомнив о злополучном часовом, рухнувшем со стены навстречу гибели, измученный маг заподозрил, что подобных жертв могло оказаться гораздо больше. Несомненно, о появлении Ронина на стене кто-то доложил, и свойственные святому ордену предубеждения, смешавшись с фактами, как обычно, привели паладинов к неверному выводу.

Вступать с ними в бой Ронину не хотелось: пожалуй, в таком состоянии его сил не хватит даже на пару самых простеньких заклинаний, но если на него попробуют возложить вину за происшедшее в крепости, от обороны он отнюдь не воздержится.

– Отвечу, – согласился волшебник, отказавшись от помощи, предложенной Верисой, и встав. – Расскажу все, что смогу. Но – да, только поев и утолив жажду.

Исключительно пресный, безвкусный рыцарский паек с первого же кусочка показался Ронину невиданным деликатесом, и даже тепловатая вода из походной фляги услаждала чувства, точно вино. Внезапно Ронин осознал, что истощен, ослаблен, словно его насильно морили голодом около недели. Ел он с жадностью, торопливо, о приличиях почти не заботясь. Кое-кто из рыцарей смотрел на него, от души забавляясь, другие же – особенно Дункан – с отвращением.

Как только голод и жажда наконец-то пошли на убыль, допрос начался. Усевшись напротив, лорд Сентур устремил на чародея заранее осуждающий взгляд и прорычал:

– Настало время признания, Ронин Рыжеволосый! Желудок ты наполнил, теперь же опорожни, очисти от бремени прегрешений душу! Расскажи нам всю правду о злодеянии, совершенном тобою на крепостной стене, и...

Вериса встала рядом с восстанавливающим силы магом, держа руку на эфесе меча. Судя по всему, в этом неофициальном судилище она отвела себе роль защитницы Ронина – и, хотелось бы думать, не только в силу клятвы. Определенно, после столкновения с драконом, после пережитого вместе, она знает его лучше, чем эти болваны!

– Я, милорд, расскажу все, что знаю, хотя знаю, должен заметить, не так уж много. Да, на крепостную стену я поднимался, но в разрушениях вовсе не виноват. Услышал я взрыв, стена содрогнулась, и один из ваших оловянных солдатиков имел несчастье свалиться вниз, в чем приношу вам свои соболезнования...

Шлема Дункан еще не надел, и в эту минуту запустил пятерню в седые редееющие волосы. Казалось, он ведет героический бой с собственным нравом.

– В твоем рассказе, волшебник, уже видна дыра столь же широкая, как и брешь в твоём сердце, а ведь ты едва успел начать! Немало наших, вопреки твоим стараниям, остались в живых, и они видели, как ты творил колдовство перед самым бедствием! Солгав, ты сам признал себя виновным!

– Ну нет, виновным меня признаете *вы*. По-вашему, и я, и все мне подобные виноваты уж тем, что существуем на свете, – негромко парировал Ронин, еще раз впившись зубами в кусок черствой галеты. – Да, милорд, заклинание я творил, но предназначалось оно только для

связи на расстоянии. Мне срочно был нужен совет одного из старших. Касательно дальнейшего выполнения задачи, одобренной высшими властями Альянса... что, смею заметить, подтвердит и сия благородная следопытка.

Едва рыцарь перевел взгляд на Верису, та заговорила:

– Да, Дункан, он говорит правду. Зачем ему учинять подобные разрушения, я не вижу. Не нахожу причин.

Старый воин раскрыл было рот, намереваясь возразить и, несомненно, вновь завести речь о том, что все волшебники обрекают душу на вечное проклятие в тот самый миг, как начинают учиться искусству магии, однако Вериса подняла руку, призывая его к молчанию.

– Не нахожу и выйду на бой со всяким, включая тебя, если без этого ему не обрести прежних прав и свобод.

При мысли о поединке с эльфийкой лорд Сентур заметно помрачнел, полоснул Ронина обжигающим взглядом и, наконец, неторопливо кивнул.

– Что ж, ладно. Защитница твоя, волшебник, на своем стоит твердо, и, доверяясь ее речительству, я соглашусь: в случившемся ты неповинен.

Однако, едва закончив фразу, паладин ткнул пальцем в сторону мага.

– Но я хочу знать больше. Что случилось с тобой в то время? И как ты, если сумеешь выудить это из памяти, оказался здесь, среди нашего лагеря, свалившись нам на головы, будто опавший с высокого дерева лист?

Поняв, что рассказа не избежать, Ронин тяжело вздохнул.

– Как пожелаете. Постараюсь рассказать все, что смогу.

Поведать он мог немногим больше, чем уже рассказал. Но делать было нечего, и изнуренный маг еще раз повторил повесть о подъеме на стену, и о решении связаться с покровителем, и о внезапном взрыве, обрушившем целый участок стены.

– Ты уверен, что слышал именно взрыв? – немедленно спросил его Дункан Сентур.

– Да. Правда, несомненных доказательств у меня нет, но звук был больше всего похож на взрыв минного заряда.

Сам по себе взрыв еще не означал, что все это – дело рук гоблинов, но, разумеется, за годы войны подобные мысли накрепко засели даже в голове волшебника. Правда, о замеченных в этой части Лордерона гоблинах никто не докладывал, однако Вериса высказала предположение:

– Дункан, возможно, преследовавший нас дракон также принес на себе одного-двух гоблинов. Ростом они невелики, жилисты, и, несомненно, вполне способны спрятаться от всех хотя бы на день или два. По-моему, это многое объясняет.

– В самом деле, – нехотя согласился Сентур. – А если так, нам следует удвоить бдительность. Гоблины не знают иных забав, кроме проказ да взрывов, и потому наверняка нанесут удар снова.

Продолжая рассказ, Ронин поведал всем, как бежал под сомнительную защиту стен сторожевой башни, однако башня рухнула прямо на него. Тут он, наверняка зная, что дальнейшее Сентур сочтет в самом лучшем случае сомнительным, ненадолго запнулся.

– А после... после, милорд, *кто-то* меня подхватил. Не знаю, кто это был, однако он поднял меня, точно куклу, и вытащил из развалин. К несчастью, стиснули меня так крепко, что не вдохнуть, а дальше открыл я глаза и...

Волшебник перевел взгляд на Верису.

– Открыл я глаза, и увидел ее лицо.

Дункан молчал, ожидая продолжения, но когда сделалось ясно, что ожидания его бесплодны, с силой хлопнул ладонью по латному наколеннику и заорал:

– И это все?! И это все, что тебе известно?!

– Да. Это все.

– Во имя духа Алонсия Фаола! – зарычал паладин, взывая к имени архиепископа, наследие коего, переданное через ученика, Утера Светоносного, некогда привело к созданию священного ордена. – Ты же не рассказал нам ничего, *ничего* стоящего! Если я хоть на минуту поверил, будто...

Тут Вериса шевельнулась, и Сентур осекся.

– Однако слово я дал, ручательство за тебя принял, и решению останусь верен, – продолжал он, явно утратив к волшебнику всякий интерес и поднимаясь на ноги. – А еще я сию минуту, на этом самом месте, решил вот что. Мы уже на пути к Хасику. Не вижу причин, препятствующих как можно более скорому отправлению дальше, с тем, чтобы доставить тебя к кораблю. Пусть там с тобой разбираются, как сочтут нужным! С лагеря снимемся через час. Готовься, волшебник!

С этими словами лорд Дункан Сентур развернулся и твердым шагом двинулся прочь. Его верные рыцари немедленно последовали за ним, оставив Ронина одного, если не считать следопытки. Подойдя ближе, эльфийка уселась напротив и взглянула ему в глаза.

– Как себя чувствуешь? Верхом ехать сможешь?

– Устал, пара ушибов, а в остальном я цел, эльф, – ответил Ронин, но тут же понял, что ответ прозвучал резче, чем следовало. – Прости. Да, верхом я ехать смогу. Все, что угодно, лишь бы вовремя добраться до порта.

Вериса вновь поднялась.

– Я подготовлю лошадей. Дункан взял с собой запасного коня, как раз на случай, если сумеем тебя отыскать. Я прослежу, чтоб он ждал тебя наготове к тому времени, как отправимся в путь.

Эльфийка двинулась прочь, и в сердце донельзя утомленного чародея шевельнулось незнакомое чувство.

– Спасибо тебе, Вериса Ветрокрылая.

– Забота о лошадях входит в обязанности проводника, – отвечала эльфийка, оглянувшись назад.

– Я – о заступничестве во время допроса, едва не обернувшегося пытками.

– И это входит в мои обязанности тоже. Я ведь дала старшим клятву доставить тебя до места назначения целым и невредимым, – пояснила она, однако, несмотря на эти слова, ее губы дрогнули, на миг сложившись в улыбку. – А ты, мастер Ронин, лучше готовься к дороге. Легким галопом дело не обойдется: слишком уж много упущено времени.

С этим Вериса оставила его одного, и Ронин, глядя в угасающий костер, задумался о случившемся. Эльфийка даже не подозревала, сколь близки ее простые суждения к истине. Да, до Хасика придется мчаться во весь опор, но вовсе не только из-за упущенного времени.

Дело в том, что всей правды чародей не сказал никому, даже эльфийке. Верно, обо всем происшедшем Ронин рассказал без утайки – при себе оставил лишь кое-какие умозаключения. Перед паладинами он никакой вины за собою не чувствовал, но вот забота Верисы о путешествии и о его безопасности пробудила в нем немалый стыд.

Кто заложил под стену мину, Ронин не знал. Весьма вероятно, гоблины, но на это ему было плевать. Тревожило его другое, о чем он обмолвился лишь мимоходом, и то не вполне откровенно. Рассказывая, как кто-то вытащил его из рушащейся башни, он умолчал об ощущении, будто был стиснут огромной рукой. Скорее всего, в этом ему не поверили бы, а тот же Сентур вполне мог бы счесть это доказательством сношений Ронина с демонами.

Да, Ронина *вправду* выручила из беды огромная рука, но вовсе не человеческая. Недолгого мига прежде, чем он лишился чувств, оказалось довольно, чтоб разглядеть и чешуйчатую кожу, и кривые острые когти, намного превосходившие длиной его тело.

От верной гибели волшебника спас *дракон*... но для чего? Этого Ронин не мог себе даже представить.

Глава шестая

– Ну, так где же он? Нет у меня времени разгуливать попусту среди всей этой гнилой роскоши!

В который уж раз – в тысячный, не меньше – король Теренас мысленно сосчитал до десяти и лишь после этого ответил на очередной возмущенный вопль Генна Седогрива:

– Лорд Престор вскоре прибудет, Генн. Ты же знаешь: именно он и хочет собрать всех нас на эти переговоры.

– Мне ни о чем подобном не известно, – пророкотал огромного роста, необъятной ширины человек в черных с серым доспехах.

Королю Генн Седогрив больше всего напоминал медведя, кое-как выучившегося носить одежду. Казалось, латы на нем вот-вот, не выдержав, лопнут – и, осуши правитель Гилнеаса еще кувшин доброго эля, либо отправь в брюхо еще одну из сдобных булочек по-лордеронски, испеченных кондитерами Теренаса, этого было бы не миновать.

Несмотря на медвежий облик и надменную прямолинейность речи, недооценивать воина с юга Теренас отнюдь не спешил. Хитроумие политических махинаций Седогрива давно стало легендой, а уж эта, последняя... Изяществом, с коим Седогрив ухитрился обеспечить Гилнеасу решающий голос в вопросе, на первый взгляд вовсе никак не касавшемся его отдаленного королевства, Теренас не уставал восторгаться по сию пору.

– Отчего бы тебе заодно не приказать ветру прекратить вой? – куда более светским тоном откликнулись с другой стороны зала. – Скорее ветер тебя послушается, чем это создание хоть на минуту замолчит!

Встретиться все они договорились в тронном зале – там, где в былые времена заключались и подписывались важнейшие соглашения во всем Лордероне. Украшенный богатейшей историей и древним, но величавым убранством, зал этот сообщал ореол небывалой важности любым дискуссиям, какие бы здесь ни велись... а Альтеракский вопрос в дальнейшей жизни Альянса, несомненно, значил очень и очень многое.

– Если тебе, лорд-адмирал, мой голос не по душе, – прорычал в ответ Седогрив, – добрая сталь в любой момент позаботится, чтоб ты ни его, ни чего-либо еще в жизни больше не слышал!

Изящным, привычным движением лорд-адмирал Дэлин Праудмур поднялся на ноги. Стройный и гибкий, опытный мореход потянулся к сабле, обычно висевшей у пояса, но только напрасно загредел пустыми ножами. Ножны у пояса Генна Седогрива также были пусты. Первым, с чем нехотя согласились все, было условие: никто из глав государств не вправе являться на переговоры при оружии. Мало этого, все – даже *Генн Седогрив* – согласились подвергнуться обыску, а обыскивали их отборные часовые из Рыцарей Серебряной Длани – единственного воинского подразделения, пользовавшегося всеобщим доверием, несмотря на явную верность Теренасу.

Разумеется, причиной тому, что эта невероятная встреча достигла хотя бы данной точки, был Престор. Монархи великих держав собирались вместе нечасто. Обычно общались они через курьеров да дипломатов, лишь изредка нанося друг другу официальные визиты. Только неподражаемому Престору и удалось убедить беспокойных союзников Теренаса, оставив слуг с личной охраной снаружи, сойтись на переговорах лицом к лицу.

Если б еще сам юный аристократ явился сюда поскорее...

– Милорды! Джентльмены!

Крайне нуждаясь в помощи, король устремил взгляд в сторону мрачной фигуры возле окна. Несмотря на относительно теплый климат здешних краев, Торас Троллебой был облачен в меха и кожу. Из черт его сурового, точно каменное, лица Теренас мог различить лишь пыш-

ную бороду и крючковатый нос, но знал: несмотря на пристальный интерес к тому, что лежит за окном, владыка Стромгарда внемлет каждому слову и даже каждой нотке в голосах прочих сторон. То, что он не пришел Теренасу на помощь в сиюминутном кризисе, только лишний раз напоминало о пропасти, разверзшейся между ними в самом начале этой прискорбной истории.

«Будь проклят этот лорд Перенольд! – подумал король Лордеронский. – Если бы он не принудил нас ко всему этому!..»

Несмотря на караул из рыцарей святого ордена, стоявших неподалеку на случай, если среди монархов дело вправду дойдет до рукопашной, драки Теренас боялся куда меньше, чем крушения надежд на сохранение союза между человеческими королевствами. Нет, он ни минуты не тешил себя иллюзиями, будто с орочьей угрозой покончено навсегда, и в такой ответственный момент людям следует быть заодно. Оставалось только жалеть о том, что здесь, среди них, нет Андуина Лотара, лорда-регента беженцев из погибшего королевства Азерот, но об этом, увы, можно было только мечтать, а без Лотара оставалось лишь...

– Милорды! Полно вам, полно! Разумеется, подобное поведение ни одному из нас не делает чести!

– Престор! – облегченно вздохнул Теренас. – Слава всему святому!

Все повернулись к рослому, безупречно одетому человеку, вошедшему в огромный зал.

«Изумительное воздействие оказывает он на старших и возрастом и положением, – подумалось королю. – Переступает порог, и всем ссорам конец! Непримиримейшие соперники опускают наземь оружие и ведут речь о мире!»

Да, определенно: лучшей замены для Перенольда не найти.

Под пристальным взглядом Теренаса его протеже обошел зал, приветствуя каждого из самодержцев и с каждым держась, точно с лучшим другом. Возможно, так оно и было, ведь во всем теле Престора, похоже, не имелось ни единой высокомерной косточки. Имея дело хоть с угловатым, ершистым Торасом, хоть с лукавцем Седогривом, Престор словно бы прекрасно знал, как с кем лучше всего повести разговор. В полной мере его до сих пор не оценили одни лишь волшебники из Даларана, но что с них, с волшебников, взять?

– Прошу простить мое опоздание, – начал юный аристократ. – С утра я выехал за город и не сразу сообразил, сколько времени займет возвращение.

– Не стоит извинений, – добродушно откликнулся Торас Троллебой.

Еще образчик едва ли не волшебных манер Престора! Друг, уважаемый союзник, Торас Троллебой никогда ни к кому не проявлял добродушия, если только не постарается изо всех сил. Изъясняться он склонен был короткими чеканными фразами, а затем надолго погружался в молчание. Мало-помалу Теренас понял: в этом молчании нет ничего оскорбительного. Истина заключалась в том, что от долгих бесед Торасу становилось не по себе. Уроженец холодного высокогорного Стромгарда, он ставил дело много выше слов.

Отчего король Лордеронский был еще больше рад появлению Престора.

Оглядев зал, Престор ненадолго задержал взгляд на каждом, и лишь после сказал:

– Как же я рад снова видеть вас всех! Надеюсь, на сей раз нам удастся уладить все разногласия и отныне встречаться только как добрые друзья и боевые товарищи...

Седогрив закивал почти что с энтузиазмом. На лице Праудмура засияла довольная улыбка, как будто прибытие юного аристократа стало ответом на его молитвы. Теренас промолчал, предоставляя даровитому другу взять управление переговорами на себя. Чем выше остальные оценят Престора, тем проще будет королю выдвинуть заготовленное предложение.

Все собрались вокруг украшенного тонкой резьбой костяного стола, полученного дедом Теренаса в дар от вассалов с севера после успешных переговоров с эльфами Кель'Таласа о северных рубежах. Король Лордеронский, как всегда, крепче упер ладони в столешницу, будто испрашивая совета у славного предшественника, а Престор, расположившийся напротив, на миг встретился с ним взглядом – уверенным, волевым. Глядя в его угольно-черные

глаза, облаченный в мантию самодержец несколько успокоился: кто-кто, а Престор со всеми спорными вопросами разберется обязательно.

Так переговоры и начались. Мало-помалу чопорные вступительные речи сменились иными, куда более жаркими, куда более откровенными, однако, благодаря руководству Престора, до угроз силой дело не дошло. Не раз и не два подхватывал он одного из собравшихся под локоть и отводил в сторонку для разговора с глазу на глаз, и всякий раз эти интимные диалоги завершались довольной улыбкой на ястребином лице Престора и огромным шагом вперед, к упрочению уз, связующих Альянс воедино.

Ближе к концу встречи Теренас и сам имел с Престором такой же разговор. Пока Седогрив, Торас и лорд-адмирал Праудмур угощались лучшим бренди из королевских запасов, Престор с королем Лордеронским отошли к окну, открывавшему вид на столицу. Эта картина Теренаса неизменно радовала: отсюда он мог воочию видеть здоровье своего народа. Даже сейчас, даже во время столь важных переговоров, подданные не забывали обязанностей, продолжали трудиться и жить. Их вера в правителя придавала усталому уму сил. Теренас знал: принятое им сегодня решение подданные поймут.

– Даже не знаю, как тебе удалось все это, мальчик мой, – прошептал он собеседнику. – Благодаря тебе, остальные поняли, в чем истина, поняли, чего требует сложившееся положение! Сидя здесь, в этом зале, они держатся учтиво не только друг с другом, но и со мной! А ведь я, было дело, решил, что Седогрив с Торасом вот-вот потребуют моей шкуры!

– Я просто сделал, что мог, дабы умиротворить их, мой повелитель, однако спасибо тебе на добром слове.

Теренас покачал головой.

– На добром слове?! Нет, не для красного словца это сказано! Престор, дорогой ты мой, ведь ты в одиночку удержал Альянс от раскола! Что ты всем им сказал?

Заговорщически сощурившись, не сводя глаз с Теренаса, его юный собеседник склонился ближе к монарху.

– Просто поговорил с каждым о том о сем. Пообещал адмиралу прежнее владычество на море, пусть даже ценой захвата Гилнеаса военной силой. Седогрива обнадежил мыслями о будущих заморских колониях невдалеке от берегов Альтерака. Ну, а Торас Троллебой полагает, что восточная часть альтеракских земель отойдет ему... но все это – после того, как я стану там законным правителем.

На миг король замер, изумленно разинув рот. Уж не ослышался ли он? Не в силах отвести взгляда от завораживающих глаз Престора, он ждал завершения, кульминации этой ужасной шутки. Однако кульминации не последовало, и, наконец, Теренас негромко, но горячо выпалил:

– Да ты в своем ли уме, мальчик мой? Даже шутить о подобных материях крайне возмутительно, а...

– А ты, знаешь ли, все равно ничего об этом не вспомнишь, – перебил его лорд Престор, подавшись вперед. Казалось, глаза юного аристократа приковывают к себе взор, держат, не отпускают. – И ни один из них тоже не вспомнит, что я им на самом деле сказал. Помнишь тебе, моя маленькая, полная самомнения марионетка, надлежит об одном: я обеспечил тебе политическое преимущество, но для окончательного успеха меня требуется объявить полноправным правителем Альтерака. Ты это понимаешь?

Это Теренас понимал, а ни о чем ином даже не помышлял. Новым монархом разоренного войнами королевства должен был стать Престор. От этого зависела как безопасность Лордерона, так и стабильность Альянса.

– Понимаешь, вижу. Вот и чудесно. Теперь возвращайся к остальным, и как только переговоры подойдут к концу, выступи со своим смелым решением. Седогрив уже знает, что ему предстоит сыграть роль самого неподатливого из участников сегодняшнего собрания, но через

пару дней уступит. Праудмур последует за тобой, а Торас Троллебой, чуть поразмыслив над положением, так же, пусть неохотно, согласится признать меня королем.

Тут в памяти облаченного в мантию самодержца что-то шевельнулось. Да, это замечание он должен был высказать непременно.

– Никто... никто не может взойти на трон без... без согласия Даларана и Кирина-Тора, – пролепетал он. – Они ведь тоже члены Альянса...

Завершение мысли стоило немалых трудов.

– Да, но кто может доверять волшебнику? – напомнил ему Престор. – Кто знает, каковы их планы и цели? Потому-то я и велел тебе оставить их в стороне от этого вопроса с самого начала, не так ли? Нет, доверять волшебникам нельзя... а в свое время с ними следует покончить вовсе.

– Покончить с... да, разумеется, ты прав.

Улыбка Престора сделалась шире. Казалось, зубов у него куда больше, чем полагается человеку.

– Я всегда прав, – сказал он, по-своему приобнимая Теренаса. – Ну, а теперь нам пора вернуться к остальным. Ты очень доволен моими успехами, а через пару минут выступишь со своим предложением... и будем действовать дальше.

– Да... да...

Стройный юный аристократ повел короля назад, к прочим монархам, и мысли Теренаса вернулись к насущным делам. Жуткие откровения Престора были погребены глубоко в подсознании короля – там, где одетый в черное юноша и желал бы их видеть.

– Наслаждаетесь бренди, друзья? – спросил Теренас, улыбнувшись в ответ на кивки. – Каждый из вас увезет с собою по ящику. Мой дар дорогим гостям.

– Великолепный знак дружбы, не так ли? – обратился Престор к его собеседникам.

Все вновь закивали, а Праудмур даже произнес тост во славу короля Лордерона.

Теренас сцепил перед собою руки.

– И, сдастся мне, благодаря нашему юному компаньону все мы разойдемся в еще большем единодушии.

– Мы еще не подписали никаких соглашений, – напомнил Теренасу Генн Седогрив. – И даже еще не решили, что делать в сложившемся положении.

Теренас моргнул. Великолепный момент! Зачем тянуть с главным предложением дальше?

– А что касается этого, друзья, – начал король, подхватив лорда Престора под локоть и направляя его к почетному месту во главе стола, – по-моему, мне посчастливилось наткнуться на способ решить дело к общему удовольствию.

С этими словами король Теренас Лордеронский мимолетно улыбнулся юному компаньону, безусловно, даже не подозревавшему, сколь велика ожидающая его награда. Да, безупречный кандидат, безупречный! С Престором во главе Альтерака будущее Альянса, можно сказать, в безопасности.

А после все они смогут начать разбираться с этими вероломными волшебниками из Даларана...

* * *

– Но это же против всех договоренностей! – взорвался маг, несколько склонный к полноте. – У них нет ни малейшего повода оставлять нас в стороне!

– Верно, нет, – откликнулась женщина преклонных лет. – Но в праве голоса нам отказано.

Собравшиеся незадолго до этого в Воздушной Палате маги сошлись там вновь, только на этот раз впятером. Сегодня тот, кого Ронин знал под именем Краса, своего места в этих

волшебных покоях не занял, но остальные, крайне озабоченные событиями во внешнем мире, ждать его не могли. Владыки лишенных дара собрались тайком, за закрытыми дверями, дабы обсудить важнейший вопрос без общего руководства Кирин-Тора! Да, короля Теренаса и некоторых других монархов большинство советников искренне уважали, но то, что правитель Лордерона решил устроить столь беспрецедентную встречу без них, весьма и весьма магов встревожило. В былые времена на подобных переговорах неизменно присутствовал представитель Кирин-Тора, один из Совета Шести, и это было только справедливо: ведь Даларан всегда выступал на защиту Альянса в первых рядах!

Теперь, похоже, времена изменились.

– Проблема Альтерака могла быть решена давным-давно, – напомнил маг-эльф. – И нам следовало настоять на надлежащей роли в ее разрешении.

– И породить новый инцидент? – громогласно возразил бородатый. – Или ты не заметил, что в последнее время другие государства все больше нас сторонятся? Такое чувство, будто теперь, когда орки отеснены в Грим Батол, они боятся нас!

– Абсурд! Бесталанные с начала времен относятся к магии с подозрением, однако наша верность общему делу вне всяких сомнений!

Но женщина преклонных лет отрицательно покачала головой.

– Когда это заботило тех, кто боится наших возможностей? Ну, а теперь орки побиты, и все вокруг вспомнили, что мы не похожи на них, что мы превосходим их по всем статьям.

– Опасное направление мыслей, даже для нас, – раздался рядом спокойный голос Краса.

Когда безликий волшебник успел занять свое обычное место? Его появления не заметил никто.

– Что ж, ты как раз вовремя! – объявил бородатый маг, повернувшись к новоприбывшему. – Выяснил что-нибудь?

– Разве что, самую малость. Встреча прошла без защиты... но ничего, кроме самых поверхностных мыслей, прочесть не удалось, ну, а они не поведали ни о чем таком, чего мы не знали бы загодя. В итоге, дабы добиться хоть какого-то успеха, пришлось обратиться к иным методам.

– Решение они приняли? – осмелилась подать голос женщина помоложе.

Крас, чуть помедлив, поднял вверх руку, затянутую в перчатку.

– Смотрите...

В самом центре покоев, прямо над изображенным на полу символом, возник образ рослого человека. С какой стороны ни взгляни, выглядел он не менее (если не более) настоящим, чем собравшиеся на совет волшебники. Великолепно сложен, одет в элегантный темный наряд, миловидные, несколько птичьи черты лица...

Все шестеро ненадолго умолкли.

– Кто это? – спросила женщина помоложе.

Крас медленно обвел взглядом товарищей.

– Слава новому правителю Альтерака, *королю Престору Первому*, – отвечал он.

– Что?!

– Возмутительно!

– Они не вправе принимать подобных решений без нас... ведь не вправе же?

– Кто он таков, этот Престор?

Покровитель Ронина пожал плечами.

– Мелкий аристократ с севера, лишенный владений, не имеющий никакой сторонней поддержки. Однако, по всему судя, сумевший снискать расположение не только Теренаса, но и остальных, включая Генна Седогрива.

– До такой степени, чтоб возводить его *на трон*?! – зарычал бородатый чародей.

– На первый взгляд, решение не столь уж скверное. Таким образом, Альтерак снова становится независимым королевством. Насколько мне удалось понять, остальные монархи весьма его уважают. Похоже, ему удалось без посторонней помощи, в одиночку, удержать Альянс от распада.

– Выходит, ты его одобряешь? – уточнила женщина преклонных лет.

– А еще он, – вместо ответа добавил Крас, – словно бы начисто лишен прошлого, отчего нас, по всей видимости, и предпочли оставить в стороне от всех этих переговоров. И, самое любопытное, на прикосновение магии он отзывается, словно пустое место.

Услышав столь странные вести, остальные негромко зароптали.

– Вот это, последнее... что это значит? – спросил эльфийский волшебник, явно озадаченный не менее остальных.

– Это значит, любые попытки изучить его при помощи магии не обнаруживают *ничего*. Абсолютно *ничего*. Как будто никакого лорда Престора не существует... но, тем не менее, вот он, во плоти. Одобряю ли я его? Пожалуй, я его опасуюсь.

Сказанные старейшим из собравшихся магов, эти слова проникали в самую душу. Долгое время в небе клубились тучи, бушевали грозы, дни сменялись ночами, однако властители Кирин-Тора просто молчали: каждый обдумывал ситуацию сам по себе.

Первой нарушила молчание женщина помоложе.

– Значит, он – волшебник, не так ли?

– Мне это кажется самым логичным, – слегка склонив голову в знак согласия, откликнулся Крас.

– Причем – волшебник немалой силы, – пробормотал эльф.

– Тоже вполне логично.

– Но, если так, – продолжал эльфийский маг, – кто он? Один из нас? Отщепенец? Волшебник таких способностей уж точно должен быть нам известен!

Женщина помоложе придвинулась к образу в центре зала.

– Лицо его мне незнакомо.

– Что и неудивительно, – парировала женщина преклонных лет, – когда каждый из нас сам способен носить по тысяче масок!

Одна из молний пронзила Краса насквозь, но он этого даже не заметил. Официально обо всем будет объявлено через две недели. А после, еще месяц спустя, если ни один из монархов не передумает, этот лорд Престор станет полноправным, коронованным королем.

– Мы должны заявить протест.

– Да, для начала. Однако это не главное. На самом деле нам, я считаю, следует выяснить правду об этом лорде Престоре, обыскать каждую щель, каждый склеп, узнать, откуда он взялся и чем занимался в прошлом. До этого открыто выступить против него мы не дерзнем – ведь он наверняка пользуется поддержкой каждого из членов Альянса, кроме нас.

Женщина преклонных лет согласно кивнула.

– Да но... пусть даже нам не по силам противостоять объединенной мощи других королевств, не сочтут ли они нас слишком серьезным противником?

– Нет, так не годится.

Взмахнув рукой, Крас развеял образ Престора, но внешность юного аристократа уже накрепко отпечаталась в памяти каждого из владык Кирин-Тора. Ни словом более не обмолвившись, советники согласились: перед ними – дело чрезвычайной важности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.